

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ

Анна Ольховская

**Вампир,
мой амур!**

Анна Ольховская
Вампир, мон амур!
Серия «Криминальный
пасьянс Ланы Красич», книга 5

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2377125
Вампир, мон амур! : Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-52409-9

Аннотация

Ох уж эти любящие родственники! Лана Красич и не подозревала – ее жизнь подвергается ужасной опасности, а виноват в этом родной братец Яромир. Актер и по совместительству красавец-мужчина, он не смог устоять перед чарами колдуньи Дины. Она, как истинная роковая мадам, лишила Яромира воли, чтобы принести его сестру в жертву на алтаре в центре древнего лабиринта... Но Лана не осталась без защитника! Ее мужа Кирилла попросила о помощи женщина, у которой пропала дочь, и тот нашел Юлю... в психушке, откуда недавно сбежала опасная преступница Дина Квятковская. И тут Кирилл узнал: Яромир похитил Лану и увез в неизвестном направлении! А на кого еще надеяться девушке, если не на горячо обожаемого супруга?

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ 1	13
ГЛАВА 1	13
ГЛАВА 2	21
ГЛАВА 3	29
ГЛАВА 4	38
ГЛАВА 5	46
ГЛАВА 6	55
ГЛАВА 7	63
ГЛАВА 8	70
ГЛАВА 9	78
ГЛАВА 10	86
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Анна Ольховская

Вампир, мон амур!

ПРОЛОГ

Туман. Вязкий белесый туман, в котором тонули мысли, желания, воспоминания. На поверхности болтались только потребности тела: есть, спать, избавляться от продуктов жизнедеятельности. А все остальное...

А было ли оно, остальное?

Тощенькая девушка с неровно обрезанными короткими волосами лежала на кровати и безучастно пялилась в потолок. Так она могла лежать часами, от пайки до пайки, от инъекции до инъекции, и ей было хорошо.

Так же хорошо, как бывает овощу в грядке – поливают, удобрениями кормят, чего еще желать!

И только где-то глубоко внутри, в самом укромном уголке души, пульсировала черная болезненная точка, мешавшая полностью раствориться в растительном существовании, раздражавшая постоянным нытьем...

Нет, дальше так продолжаться не может! Он ждал столько веков, прежде чем удалось создать достаточно сильного носителя, чистокровного потомка гиперборейцев, он так радовался его, вернее – ее, успехам, он доверил дев-

чонке Ключ и предвкушал скорое открытие Врат, наблюдая за чередой жертвоприношений. И ведь все шло по плану, выбранные жертвы послушно поехали куда надо¹, потом одна за другой их души отправлялись к Вратам, ослабляя древнее запирающее заклятье шаманов, и вдруг – такой облом!

Но кто же мог подумать, что обычные людишки, да-же не потомки шаманов и волхвов, заперших когда-то великую Гиперборею в параллельном пространстве, смогут помешать чистокровной наследнице могущества ее предков! Лана Красич и Кирилл Витке, вы заплатите за это! Именно ваша кровь откроет Врата, причем кровь эта будет пролита рукой близкого человека.

Но прежде следует освободить носителя из этого жуткого места. Препараты, которыми накачивают девчонку, уже почти лишили ее силы, превратив в безвольное, апатичное, пускающее слюни существо.

И что, опять начинать все сначала?

Но это еще полбеды, в запасе имеется одна подходящая девица, в венах которой течет древняя кровь. И пусть она сначала была выбрана в качестве жертвы, но теперь можно будет использовать ее в качестве инкубатора для нового носителя.

Главная же проблема состояла в том, что он, Раал, Верховный жрец Гипербореи, заключен в безвольном теле Дины Квятковской, пациентки закрытой психиатрической боль-

---

¹ См. роман А. Ольховской «Лгунья-колдунья».

ницы, где содержатся особо опасные больные, совершившие преступление. И где их «лечат» соответствующим образом.

Причем оказался он там по собственной воле, еще и ждал этого много-много веков.

Когда-то жители Гипербореи могли свободно приходить в этот мир, чтобы набрать себе новых рабов и рабынь для черной работы и плотских утех. Местные дикари поклонялись гиперборейцам, считая их богами. Им и в голову не приходило противостоять могущественным Великим. Потому что гиперборейцы действительно обладали непонятными дикарям способностями, они управляли бурями, ветрами и огнем, они могли исчезать и появляться в любом месте и в любое время, они карали и миловали.

Правда, миловали очень редко, только избранных, чтобы поддерживать неравенство, способствовать расколу.

И за века правления расслабились, упустили момент, когда у дикарей появились свои Великие – люди, обладающие Силой. Шаманы, колдуны, волхвы – их называли по-разному. Но они на самом деле уже многое могли, однако до поры до времени скрывали свои способности от гиперборейцев. Чтобы те не попытались помешать их планам.

Планам избавления от многовековой власти Зла. Потому что власть Гипербореи основывалась на трех китах – страхе, боли и жестокости.

За Вратами, ведущими из Гипербореи в этот мир, следит-

ли Верховные жрецы. И надо сказать, за много веков беспроблемной жизни подрасслабились, не обратили внимания на странное копошение дикарей возле Врат. Камней натаскали, возятся, пыхтят, раскладывают их по спирали. Видать, новое святилище строят, чтобы богам поклоняться.

Но они строили вовсе не святилища...

Раал был единственным из жрецов, кто почувствовал неладное, кто обратил внимание, что возле всех Врат, по всему миру, сооружаются абсолютно одинаковые святилища: спиралевидные лабиринты, состоящие из тысячи камней и с соотношением внешней стенки и внутренних ходов, равным 1:6.

Каким образом эти дикари смогли общаться друг с другом, находясь за тысячи миль, порой на ином континенте? Почему все сооружения практически одинаковы?

Раал попытался обратить внимание на это обстоятельство во время ежегодного Совета жрецов, но его подняли на смех. Что? Дикари замыслили недоброе?! Вот уж глупости, что они могут, эти жалкие черви, созданные лишь для того, чтобы служить нуждам Великой Гипербореи! К тому же они строят лабиринты не только возле Врат, вон, в другом, южном, полушарии тоже что-то такое имеется, хотя Гиперборея расположена в районе их Северного полюса и все Врата кольцом опоясывают северные земли.

В общем, Раала даже не дослушали до конца.

И тогда он решил сам предпринять кое-какие превентив-

ные меры. Его Врата располагались на одном из островов архипелага, сегодня именуемого Кузова, а сам остров называют Олешин. Но тогда он был безымянным. Вернее, у него было название, но совершенно иное. Как, впрочем, и у Кольского полуострова, и у Белого моря.

У каждого Верховного жреца имелся Ключ от Врат – изготовленный из небесного, то есть упавшего с небес, металла клинок. Но им практически никогда не пользовались, это был запасной вариант, на случай непредвиденных осложнений. Жрецы открывали Врата с помощью заклинаний, а Ключом можно было воспользоваться только один раз. И с этой, дикарской стороны. Ключи изначально были созданы для «застрававших» на этой стороне и хранились в специальных местах, обнаружить которые непосвященный не мог.

Если по какой-то причине Врата вдруг закрылись бы до того, как заглянувший в этот мир гипербореец успел вернуться, он должен был пойти к специальному каменному сооружению – сейду, в котором заключалась часть души отвечающего за эти Врата Верховного жреца, воззвать к жрецу, принести жертву, и тогда жрец указал бы место, где находится Ключ и что делать дальше.

Но никто никогда не застревал еще в этом мире, и со временем жрецы перестали расходовать свои силы и делить свою душу. Сейды стояли пустыми.

Все, кроме сейда Раала, расположенного на нынешнем острове Колдун, что на Сейдозере. Почувствовав неладное,

Раал, проведя соответствующий ритуал, отделил часть своей души и поместил ее в сейд. Причем большую часть, основную.

И буквально через месяц после этого все Врата захлопнулись, оставив в дикарском мире несколько десятков гиперборейцев, увлекшихся развлечениями.

Лабиринты оказались надежными замками, навсегда преградившими путь жестоким пришельцам из параллельного пространства. От оставшейся в теле части души Раал знал, что жрецы пытались открыть Врата, но тщетно. Совершенно неожиданно для них «дикари» оказались мудрее и сильнее.

А с этой стороны оставшиеся гиперборейцы кинулись к сейдам, чтобы те направили их к Ключам. Однако сейды были пусты. Во всяком случае, те, рядом с которыми оказались оставшиеся.

Вот тогда жрецы вспомнили о предупреждении Раала, бросились к нему за помощью, но увы...

Во-первых, его Врата оказались заперты надежнее остальных. Видимо, шаманы, строившие лабиринт на Олешинном острове, почувствовали, что именно здесь в их мир проник кто-то очень сильный, и наложили двойное заклятие с помощью отличающегося от остальных рисунка лабиринта: радиальная и круговая стенки в нем пересекались, что лишало всю конструкцию выхода.

Во-вторых, часть души, оставшаяся в теле, была слиш-

ком слаба, чтобы противостоять даже обычному заклинанию, а тут – двойное!

Но Раал смог сообщить, где находится его сейд, и направить туда застрявших в чужом мире гиперборейцев. И если бы они или хотя бы один из них смог добраться до Сейдозера, то все было бы не так безнадежно.

Но они не дошли. Никто. Шаманы, волхвы, колдуны, ведьмаки – на бывших богов ополчились все, устроив настоящую охоту. И никакие способности не могли уже помочь гиперборейцам...

Но они не исчезли бесследно. Они ведь очень любили дикарочек, очень. И неважно, что дикарочки не очень любили их, кто ж спрашивает самку?

Забеременев от насильника, некоторые женщины вытравливали плод, а некоторые рожали. И древняя кровь не исчезла, она была очень сильной, эта кровь. И силой обладали все потомки Великих, но не все смогли правильно ею распорядиться. Хотя попытки править миром были.

Впрочем, кое-что потомки гиперборейцев сделать смогли. Они практически полностью уничтожили магию в этом мире, истребив колдунов во времена Святой Инквизиции. Магия сначала была провозглашена ересью, а потом – выдумкой. И современный человек во всю эту ерунду уже не верит, цивилизация развивается за счет усовершенствования технологий, а не разума.

Но для того, чтобы открыть Врата, нужен был не полу-

кровка, а чистокровный потомок. Раал очень старался, пытаясь найти и соединить двух полукровок, но сделать это, будучи заключенным в камне, довольно сложно.

И прошло немало веков, прежде чем у него получилось. Он заставил отправиться в поход студентку МГУ Марину Квятковскую, которая терпеть не могла походную жизнь, но почему-то согласилась вместе с турклубом университета сплавиться на байдарках по рекам Карелии. В принципе Марине даже понравилось, уж очень красивые места они проплывали. Но на одной из стоянок девушка пошла в лес за ягодами и заблудилась. А в это же время в одном из лагерей Кольского полуострова случилось ЧП – сбежал убийца и насильник Эдуард Молоков по кличке Паук. Он совсем не был похож на паука, скорее – на эльфа: большие светло-голубые глаза, белесые волосы, бледная кожа, правильные черты лица, тонкое, но очень сильное, жилистое тело. В первый момент Эдик нравился женщинам, пока они не заглядывали в его глаза. Наполненные ледяной жестокостью глаза. Он был достойным потомком Гипербореи, этот Паук.

Чего нельзя было сказать о черноволосой роскошной красавице Марине Квятковской. Лишь по ее внешности и отменному здоровью можно было понять, что в ее жилах течет древняя кровь.

Которое и помогло девушке выжить после трех дней, проведенных с Пауком...

Потом на них наткнулись поисковые группы, Паук попы-

тался прикрыться Мариной, но был застрелен.

А Марина большие месяца провела в больнице. И там узнала, что беременна.

Первой мыслью было избавиться от проклятого семени чудовища, и ее уже начали готовить к аборту (в случае жертв насилия это было оправданно). Но потом Марина внезапно передумала и решила оставить ребенка. И ни мать, ни друзья – никто не мог отговорить ее от этого.

Впрочем, не особо и старались, ребенок ведь ни в чем не виноват.

И на свет появилась хрупкая голубоглазая Диночка, девочка-эльф. Нежная, послушная и ласковая.

Исчадие ада, как оказалось потом. Верная помощница Раала, освободившая Верховного жреца из каменной тюрьмы и пустившая его в свое тело тогда, во время первого похода на Север. Они не мешали друг другу, наоборот, теперь Дина обладала всей полнотой силы своих предков-гиперборейцев. Она смогла отыскать Ключ, она начала ритуал открытия Врат...

И вот теперь лежит на кровати и апатично пялится в потолок.

Надо что-то делать.

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

– Юленька, сделай-ка мне кофе, – крупная, несколько мужеподобная женщина устало откинулась на спинку стула и с хрустом потянулась. – Замордовалась я с этой программой – сил нет! Голова уже пухнет от обилия информации! Мне покрепче, и сахару побольше, мозг подкормить надо.

– Сейчас! – Невысокая хрупкая девушка выбралась из-за заваленного бумагами стола и подошла к шкафчику, в котором хранились чайно-кофейные принадлежности. – Ой!

– Ну что еще? – недовольно поморщилась дама.

– Светлана Михайловна, а кофе нет. Кончился.

– Что значит кончился?! А ты куда смотрела, а?

– Но вчера еще, когда я днем себе кофе делала, там было полбанки, – голос девушки дрогнул, но в больших светло-голубых глазах блеснул стальной стерженек.

– Ну и что? Забыла, что вчера мы со съемочной группой обсуждали сценарий очередной программы?

– Я не забыла, меня там не было, и кто чего сколько выпил, я не видела, – вполголоса проговорила Юля, отвернувшись. – Вы же меня погнали ваше пальто из химчистки забрать. А я, между прочим, очень хотела поучаствовать в об-

суждении! Я ведь не для того журфак МГУ оканчивала, чтобы на подхвате быть!

– Подумаешь, гений журналистики! – фыркнула Светлана, насмешливо рассматривая полыхнувшую краской девушку. – МГУ она окончила! Так и шла бы на другой канал, я слышала, тебе там вкусную должность предлагали. Чего ж ты к нам поперлась?

– Потому что здесь интереснее.

– Ага, небось видела себя с микрофоном в руках, отважно ведущую репортаж с места событий, да? – Юлия молча сопела. – А вот фигушки, лапуля. Во-первых, ты слишком, м-м-м, невзрачная, что ли. Нет, ты очень милая девушка, не обижайся, но этот твой тихий голосок, тонкое, полупрозрачное личико, реденький хвостик на голове, крохотные ручки, которые и микрофон-то не удержат, – да из тебя репортер, как... Гм, не твое это, в общем. А вот редактор из тебя может получиться толковый, девочка ты умненькая, соображалка на уровне, цепкое внимание, грамотная опять же. Поэтому я тебя и взяла к себе помощницей.

– Но помощница – это ведь не секретарша! – упрямо буркнула девушка. – Я готова сутками работать над материалами к новой программе и даже кофе могу сделать, если очень надо, но... Я так ждала этого совещания, а вы меня за пальто погнали!

– А сейчас и за кофе погоню, – усмехнулась шефиня. – Курс молодого бойца проходили в свое время мы все. И я

бегала резвым кабанчиком, когда только пришла сюда на работу, и ничего. Корона с головы не упала. Совещания она ждала, ишь ты! А какой прок от тебя на этом совещании, дочка? Так что давай – одна нога там, другая тоже там. Деньги вот возьми.

– Не надо, – процедила Юля, направляясь к дверям, – у меня есть.

– Ну, раз ты такая богатая, не смею настаивать. Только не задерживайся, поняла? Работы воз и маленькая тележка.

«Ага, воз с дерьмом – мне, а маленькая тележка с эксклюзивом – тебе». Разьедающая душу обида, пачкая горечью сознание, снова и снова прокручивала эту мысль, попутно вытаскивая из закоулков памяти все, что накопилось за почти год работы на одном из лучших телевизионных каналов страны.

Юля Носова с детства мечтала быть тележурналистом. И не просто новости читать, нет, она хотела иметь собственную авторскую программу, вот как у Оксаны Пушкиной. Только не слезливые рассказы о чьей-то трудной судьбе, а интригующие расследования, к примеру. Так, чтобы у зрителей сердце замирало от волнения, а потом – от восхищения: как эта хрупкая нежная девушка не побоялась влезать в такой ужас!

Именно хрупкая и нежная, а вовсе не невзрачная, вот. Конечно, куда ей до тети-лошади Светланы Вежновец! И ведь шефиня вовсе не уродина, она просто очень крупная и рос-

лая. Если бы одевалась поженственнее, волосы отрастила, косметикой пользовалась – получилась бы очень даже интересная дама, но эти ее вечные джинсы с бесформенными балахонистыми свитерами, ультракороткая стрижка, желтые от табака пальцы, лишенное даже грамма косметики лицо! Если бы не бюст четвертого размера – мужик мужиком! Вот ей как раз в кадр и нельзя, не поместится.

Юля невольно хихикнула, представив Светлану Михайловну в качестве ведущей программы. Там без вариантов, а вот она, Юлия Носова, смотрелась бы вполне гармонично. И вовсе не крыса с микрофоном в лапках, как назвал ее однажды оператор Виталик, а изящная куколка с большими голубыми глазами, роскошными золотистыми волосами (ну да, сейчас они не очень роскошные, довольно редкие и белесые, но для чего, по-вашему, существуют стилисты?) и точеной фигуркой. И говорит не о всяких бабских штучках, а о какой-нибудь жути. Мистика там, магия, разные загадочные и необъяснимые явления, которые она, Юлия Носова, сможет объяснить.

Именно поэтому обладательница красного диплома после окончания университета не пошла ведущей ток-шоу на одном из второстепенных, но имеющих достаточно впечатляющую зрительскую аудиторию каналов, а с радостью согласилась на малооплачиваемую вакансию помощника редактора новой программы о мистических явлениях и загадочных местах на территории бывшего СССР. И дело было не только

в том, что программу эту задумали на крупном телеканале, главное – тема программы. Ведь это именно то, о чем всегда мечтала Юля!

И неважно, что оклад совсем маленький, а должность на первый взгляд неперспективная! Главное – влиться в коллектив, стать там своей, иметь доступ к найденным материалам. А уж потом она сможет распорядиться информацией по-своему. Это в случае, если ей не удастся обратить на себя внимание сразу, заинтересовать режиссера программы, а еще лучше – продюсера. Нет, не в том смысле заинтересовать, фу! Во-первых, внешность у нее вовсе не модельная, а во-вторых, мозги имеются, и неплохие, между прочим. Красный диплом МГУ – это вам не баран начхал! Она умеет анализировать, вычленять самое интересное, у нее есть интуиция, чутье, если хотите, в общем – можем, господа, можем!

И даже собеседование с будущим шефом, вернее – шефинею, не убавило Юле энтузиазма. Эта ехидная громогласная тетка была крутейшим профессионалом в телевизионном мире, и то, что именно Светлана Вежновец стала редактором новой программы, говорило о масштабности и перспективности проекта.

Ну да, Светлана Михайловна сразу предупредила Юлю, что должность помощника – это «подай-принеси-убери», девочка на побегушках. Но переполненная дурным энтузиазмом свежеиспеченная журналистка не обратила на предупреждение особого внимания – подумаешь, чай-кофе! И

пусть, зато она будет внутри процесса, так сказать, держать руку на пульсе и обязательно, слышите – обязательно обратит на себя внимание, подбросив оригинальное решение или изящный поворот сюжета.

Три ха-ха! Вот уже почти год прошел, как Юля работает на этом проекте, и три месяца, как отснятые программы пошли в эфир, но ей так и не удалось продвинуться дальше «подай-принеси-убери». И то, что иногда приносить поручалось материалы из архивов, ситуацию не меняло.

Впрочем, если быть честной, кое-что изменилось. Светлана все чаще разрешала своей помощнице разбирать эти архивные материалы, выискивая там интересующую в данный момент информацию. А также – шарить по Интернету в поисках любопытных материалов. Но личная инициатива по-прежнему уныло курила бамбук, мнение девушки по тому или иному вопросу никого не интересовало.

А напрасно, между прочим! Уж она, Юля, ни за что не стала бы гоняться за количеством, она уделила бы внимание качеству. Вернее, информативности программы, потому что сейчас проект, по мнению девушки, превратился в очередной поверхностный пробег «галопом по Европам». Все очень пафосно, очень дорого. Профессиональная съемка, кавалькада джипов, сосредоточенная, готовая к любым неожиданностям съемочная группа прибывает к месту загадочных событий, торчит там, беря интервью у непонятных людей, а в результате – очередной мыльный пузырь. Никакого рас-

следования, никаких результатов, никаких разгадок, просто профессиональный пересказ уже известных событий и сведений.

Зато программа выходит еженедельно, ага.

Да лучше раз в месяц, а то и раз в квартал, зато – бомба! Сенсационная бомба, которая потом обсуждается и муссируется в прессе и Интернете не один месяц.

Уж она бы, Юля, из любого отснятого пузыря смогла бы сделать такую бомбу.

И сделает, вот увидите! У нее уже кое-что есть на примете, она даже хотела поделиться своей находкой на вчерашнем совещании, но ее отправили за дурацким пальто.

Ну что же, тогда она все сделает сама. А потом будем разговаривать с продюсером на предмет своей авторской программы. Что? Кто будет принимать всерьез какую-то девчонку, «подай-принеси-убери»?

Будут, еще как будут. И на ее условия согласятся.

Потому что прошляпили реальную сенсацию.

Одна из первых программ проекта была посвящена загадочным местам Карелии: каменные лабиринты, странная красная земля, которой нет больше нигде в мире, петроглифы – рисунки на камнях, изображающие как известных, так и неизвестных существ. Сейды, рассказы местных о странных миражах, мало похожих на миражи, а больше на картинки иного, параллельного мира.

Отсняли в своей манере – понемногу обо всем. Отсняли

и забыли, занявшись очередной загадкой.

А вот Юля не забыла. Может, потому, что это была первая и пока единственная программа, где она мелькнула в кадре. Пусть ненадолго, на несколько секунд, но мелькнула, когда складывала в один из джипов оборудование.

Но не только это. Сама тема, такая притягательно-мистическая. Ведь этими местами давно уже интересуются и энтузиасты, и научные работники, неужели никто ничего не накопал?

И Юля полезла в Интернет.

Оказалось, что накопили, и очень много, но решения загадки не нашел никто.

А вот она, Юлия Носова, обязательно найдет!

Потому что два дня назад на ее электронный адрес пришло письмо.

ГЛАВА 2

Причем не на корпоративный сайт канала, где у каждого сотрудника имелся рабочий электронный адрес, а на личную почту. Откуда неизвестный отправитель, назвавшийся Жрецом, узнал координаты, Юля не знала. Вернее, не заморачивалась на эту тему – какая, собственно, разница, откуда? Захотел и узнал. Главное, что этот Жрец обратился к ней как к тележурналистке, предложив провести частное расследование.

Юля даже на секунду не задумалась – а зачем незнакомцу это надо? Какой у него личный интерес? Ведь если у Юли все получится, вся слава достанется ей. И денег за свою помощь Жрец не требовал.

Но девушка забыла обо всем на свете, едва призрачный образ изящной блондинки с микрофоном начал становиться реальностью.

Потому что информация, подброшенная Жрецом, была более чем интересной. Оказалось, что за год до того, как в Карелии побывала их съемочная группа, неподалеку, на Кольском полуострове, в районе Сейдозера, произошло жуткое убийство.

Развеселая компания туристов-энтузиастов из Москвы приехала туда, дабы исследовать загадочные шаманские места Русского Севера. А через несколько дней один из москвичей

чей был найден товарищами мертвым. Ему перерезали горло и выкололи глаза.

Тогда убийство повесили на местного сумасшедшего, в кармане которого нашли глаза убитого, но этим дело не кончилось.

После возвращения в Москву сгорел в своей машине еще один участник экспедиции, потом покушались на одну из девушек, отравили мать другой...

И неожиданно для всех выяснилось, что за чередой преступлений стояла та самая другая, тихая и скромная библиотекаря Дина Квятковская.

На следствии она несла такую чушь, что была признана невменяемой и отправлена в закрытую психиатрическую лечебницу.

А как иначе отнестись к бреду о том, что библиотекаря выполняла указания древнего колдуна, душа которого вселилась в нее во время того похода на Север. И что она, Дина Квятковская, на самом деле чистокровный потомок гиперборейцев, призванный открыть врата в параллельный мир, в ту самую Гиперборею. А для того, чтобы открыть эти врата, необходимо принести в жертву специально отобранных людей, причем смерть каждого тоже должна быть строго определенной.

В общем, свихнулась девка, сидя в библиотеке, книг вредных перечитала. Ишь, колдуньей себя вообразила! И ведь даже собственную мать не пожалела, мерзавка! На вопрос сле-

дователя об этом лишь холодно усмехнулась и спокойно пояснила – мать перестала быть полезной, свою функцию она уже выполнила и должна была послужить отвлекающим от дочери фактором. Все жалели бедную Диночку, и никому и в голову не пришло заподозрить ее в убийствах уже совершенных и намеченных.

Между прочим, именно так все и произошло, и только вмешательство друзей одной из участниц экспедиции, Лены Осеневой, помешало осуществлению планов сумасшедшей.

И вот уже почти два года Дина Квятковская находится в психушке. И никто всерьез не принял ее рассказ о вратах, жертвоприношениях и древнем маге.

А Юля поверила, сразу и безоговорочно. Ведь в их программе тоже упоминалось о том, что в древние времена некоторые шаманы заключали договора с существами из параллельного мира. И что каменные лабиринты, кольцом протянувшиеся по Северу, на самом деле являются засовами на дверях, ведущих в параллельный мир. И о Гиперборее говорили, между прочим.

Запах сенсации становился все ощутимее, а ведущая авторской программы Юлия Носова – все реальнее. Девушка даже костюм, в который будет одета во время первого эфира, видела.

И очень хорошо, что шефиня отправила ее вчера за своим кретинским пальто, Юля ведь собиралась поделиться информацией с командой программы, наивно полагая, что те-

перь-то к ней изменят отношение и признают равноправным членом.

Чуть не лоханулась, дурища!

Нет уж, она сама во всем разберется, а потом продаст сенсацию тому каналу, который заключит с Юлией Носовой контракт на авторскую программу на максимально выгодных для нее условиях.

Письмо Жреца обрывалось довольно неожиданно, словно ему помешали закончить. И это интриговало еще больше. Кто он, этот Жрец? А может быть, она? Может быть, с ней, Юлей, связалась сама Дина Квятковская?

Хотя это вряд ли – сложно представить себе пациента закрытой психушки, имеющего доступ в Интернет.

Да и какая разница, кто стоит за ником «Жрец»? Главное, этот человек так же заинтересован в разгадке тайны Кольского полуострова, как и она, Юля. И даже если он больше не выйдет на связь, основное он уже сделал – вручил девушке кончик ниточки.

А размотать клубок Юля сумеет самостоятельно. Наверное.

Ладно, сомнения засунем в... пусть будет в кладовку. Чтобы не путались под ногами, не отвлекали от главного.

А что у нас в данный момент главное? Правильно, подробное ознакомление с делом Дины Квятковской. Другой вопрос – как это осуществить, ведь никаких связей в органах правопорядка Юля пока не приобрела. Вот у Светланы

Михайловны этого добра навалом, как, впрочем, и у других старожилов телевидения. Но они ведь старые жилы, жадные и наглые. Ни за что просто так не поделятся с ней хотя бы малюсенькой связушкой! Не стоит и просить, мгновенно насторожатся, приставать начнут – зачем, для чего.

А никто ничего знать не должен, ни на работе, ни дома. Собственно, дома и знать особо некому – Юля жила вдвоем с мамой, больше у них никого не было. Мама, Мария Евгеньевна, всю жизнь проработала на почте, сначала бегала с газетами и журналами по домам, а теперь доросла до начальника своего отделения. Мария Евгеньевна невероятно гордилась дочкой – ее девочка сама, без репетиторов, смогла поступить не куда-нибудь, а в МГУ, да еще на бюджет! А теперь работает на телевидении! И неважно, чем Юленька там занимается, голова у доченьки светлая, она своего обязательно добьется.

В общем, с расспросами мать к Юле не приставала. И все не потому, что ее не интересовала работа дочки, просто Юля очень нервно реагировала на любую попытку разузнать, как там дела у любимого чадушка. Ну не хочет ребенок делиться – не стоит настаивать. Юленька с детства очень скрытная, никогда не делилась своими планами. Зато потом преподносила сюрприз, да какой! Сначала вот МГУ, потом – телевидение, а дальше...

Ну, дай-то бог!

Когда Юля вернулась из магазина с банкой самого деше-

вого растворимого кофе в руках (а пусть знают!), ее уже ждало, нетерпеливо притопывая ногой, новое поручение – в темпе смотаться в архив МВД, забрать там папку по одному старому уголовному делу, имеющему непосредственное отношение к теме очередной программы.

А темой очередной программы была могила Чингисхана. Вернее, легенды о проклятом золоте из этой могилы.

Интересно, конечно, но Юля знала – снова будет набор фактов, интригующие анонсы и мыльный пузырь дутой событийности. Но ничего, когда у нее будет своя программа, она займется этим посерьезнее.

А сейчас – уррра! Она едет в архив МВД! Где имеется информация и по интересующему ее делу. Что? Ей никто ничего не выдаст?

Выдадут, куда денутся!

– Ну, ты все запомнила? – раздраженно рявкнула шефиня.

– Разумеется, – вежливо улыбнулась Юля.

– Повтори! А то у тебя такой вид, словно ты не о деле думаешь, а о мужиках. Глаза стеклянные, дурацкая улыбочка на губах.

– Глупости какие! – фыркнула девушка. – Я на работе всегда о работе думаю. И повторять особо нечего. В архиве мне надо спросить Федора Евграфовича, сказать, что я от вас, он передаст мне папку с делом, я привезу ее сюда. Алгоритм действий правильный?

– Ишь ты, как загогулисто выражается! – Светлана Ми-

хайловна примирительно усмехнулась. – Алгоритм действий правильный, хвалю.

– Служу отечеству! – дурашливо проорала Юля, вскинув к голове ладонь.

Да так неудачно вскинула, что задела лежавший на столе мобильник шефини, и тот смачно хряпнулся о плитку пола. Но эта бестолковая курица не остановилась на достигнутом, она ахнула, присела на корточки, дрожащими руками попыталась вставить выпавший аккумулятор, умудрившись при этом наступить острой шпилькой прямо на сим-карту несчастного телефона.

– Ты что натворила, тупица? – простонала Светлана Михайловна, осознавая масштаб катастрофы. – Я же без связи осталась! Понимаешь – без связи!! А мне звонить должны, очень нужные люди!

– Ради бога, простите! – всхлипнула Юля, протягивая сломанную симку. – Но ведь ее заменить можно, и стоит это копейки. Главное, что телефон цел, даже трещины не появилось.

– Да наплевать мне на телефон! – заорала шефиня. – Без симки это кусок пластика, не больше! Что же делать?

– Давайте я в салон сбегаю, заменю карту. Хотя нет, это можете только вы сделать, с паспортом.

– Вот то-то и оно! А я отлучиться не могу, через полчаса встреча назначена.

– Светлана Михайловна, миленькая, простите меня! Я

нечаянно!

– Ой, вот только выть не надо! – Женщина мучительно поморщилась и достала сигарету. – Марш в архив, тебя ждут.

– А как же... – Юля кивнула на сломанную симку.

– Я через пару часов освобожусь и съезжу в салон.

– Простите, я...

– Заткнись и вали отсюда!

– Х-хорошо, я быстренько.

Ага, быстренько. Два часа как минимум. Зря старалась, что ли.

ГЛАВА 3

Обычно Юля с завистью смотрела на стадо машин, в относительном порядке разлегшихся вокруг здания телецентра. Девушке так хотелось, чтобы и ее ждал уютный маленький автомобильчик, «Киа Рио», к примеру. Ярко-алый, игриво поблескивающий лаковыми боками. Вот популярнейшая ведущая Юлия Носова распахивает стеклянную дверь телецентра, устало улыбаясь, раздаёт автографы столпившимся поклонниками, привычно собирает в небрежную охапку роскошные букеты цветов и идет к своему малышу. Автомобиль радостно отзывается на нажатие кнопки брелока короткой трелью и подмигивает фарами. Юля сгружает на заднее сиденье букеты, садится за руль и через минуту ведьмой на алом помеле уносится вдаль.

Вот как-то так.

Иногда ярко-алый «Рио» превращался в серебристый кабриолет или компактный джипик, но в целом картинка будущего не изменялась.

Но сегодня девушка даже рада была своей «безлошадности». Потому что временной цейтнот и автомобильные пробки в центре города – понятия взаимоисключающие. Метро в данном случае гораздо предпочтительнее.

Но по-прежнему не комфортнее. В конце мая в Москве резко потеплело, народ радостно разделся, и в очередной раз

обнаружился явный перевес в количестве «натуралов» по сравнению с «нормалами». Да такой, что порой глаза слезились от обилия «натуралов» в вагоне метро или в автобусе.

«Натуралами» Юля называла людей, по идеологическим или еще каким соображениям игнорирующих средства личной гигиены. Потому что это все проклятая химия, вон на НТВ какие страсти про шампуни с дезодорантами рассказывали! Ничего, наши деды с бабками обходились без этой гадости, и мы обойдемся, здоровее будем. И вообще – до сантиметра не грязь, а потом сама отвалится.

Особенно противно было в часы пик, когда шпроты в банке – бессовестные сибариты по сравнению с плотно упакованными в транспортном средстве пассажирами. И Юле с ее маленьким ростом частенько приходилось утыкаться носом в капающий потом подмышечный куст «натурала».

В такие минуты девушка особенно страстно мечтала о личном автомобиле, пусть даже не «Рио», а раздолбанные «Жигули», но отдельные, свои!

Что касается «нормалов», то тут все понятно – нормальные, адекватные люди, принимающие душ и пользующиеся антиперспирантами. Но Юле они по закону мирового свинства в транспорте попадались очень редко.

Закон сработал и на этот раз. А начиналось все очень даже позитивненько – в дневное время толпы в метро нет, вагоны полупустые. Никто не топчется, не пинает в спину, не наступает на ноги. Часа через два-три снова начнется, а пока

– лепота и благолепие.

Судя по умиротворенным лицам попутчиков Юли, они ощущали нечто похожее. Еще пару остановок – и можно плюхаться в нирвану.

Плюхнулись. Только не в нирвану.

На следующей остановке в вагон ворвалась взмокшая тетка с объемом талии... Собственно, талии как таковой в нагромождении слоев жира не наблюдалось. А вот слоев было много, очень много. И они все колыхались! Юля с ужасом представила, что произойдет, если где-нибудь в тоннеле колыхание жира войдет в резонанс с вибрацией вагона.

Но дорисовать картину возможной катастрофы не удалось, на обонятельные рецепторы обрушилась волна вони. Судя по позеленевшему лицу сидевшего рядом парня, концентрация удушающего вещества достигла десяти тысяч смраддов (Юля обожала книги Станислава Лема).

Тетка плюхнулась на ближайшее свободное место, и через мгновение свободной оказалась вся лавка, две девчушки и мужчина средних лет, с трудом сдерживая рвотные позывы, бросились в самую дальнюю от вновь прибывшей часть вагона.

А бабища, абсолютно не обратив внимания на реакцию попутчиков, поколыхалась на сиденье, устраиваясь поудобнее, а потом ловко, отработанным движением, стащила с помощью пальцев ног парусиновые баретки и блаженно пропыхтела:

– Уф, хоть ноги проветрю, а то они от беготни по этой вашей гребаной Москве совсем упрели.

Входившие на следующей станции пассажиры были несколько озадачены массовым исходом людей из этого вагона.

Юле очень хотелось посидеть на лавочке в метро, пропуская поезда, чтобы хоть немного очухаться после газовой атаки, уgomонить разбушевавшуюся обратную перистальтику, но время, время! Ведь неизвестно, сколько понадобится на то, чтобы отыскать в архиве интересующее ее дело, а у нее всего около двух часов.

Поэтому пришлось сесть на следующий поезд и продолжить путь.

Зато каким свежим и вкусным показался Юле загазованный московский воздух! Она не могла надышаться, нарадоваться и впервые обратила внимание на свечки цветущих каштанов. Елки-палки, май уже, весна заканчивается, а она и не заметила...

Потому что не с кем было замечать. Мужчины, рядом с которым сложно забыть про весну, у Юли не было. В студенческие годы она встречалась с парнями, но влюбленности как таковой не испытывала. Все девчонки имели бойфрендов, и Юля имела. Или наоборот?

В общем, неважно, кто кого имел, но было дело, было. А последний парень, Володька Свидригайло, даже замуж звал. Влюбленного из себя изображал, каждый день цветы таскал

и у двери оставлял, чтобы Юля утром их нашла. Все ее привычки изучил, все вкусы и предпочтения. Девушке иногда казалось, что Володька знает ее лучше, чем она сама. С ним рядом было так спокойно, так надежно, но...

Замуж Юля так рано выходить не собиралась. Семья, дети сопливые, борщи, пеленки – какая, к черту, карьера?

Вот если бы Володька был, во-первых, москвичом, а во-вторых, перспективным сыном папы со связями, тогда – да, другое дело. Можно замуж, можно ребенка родить и сразу сдать его няньке, а свекор похлопотал бы за невестку, потрянул связями.

Но Владимир Свидригайло (еще и фамилия дурацкая!) приехал в Москву из славного украинского города Хмельницкий, отслужив в ВДВ Украины. Он хотел пойти на службу в милицию, но гражданство не позволило. И Володя устроился охранником в гипермаркет. Где и познакомился с Юлей.

Высокий крепкий парень с первого взгляда девушке не понравился. И со второго тоже. Самая заурядная внешность, большеротый, курносый, скуластый. Да еще и бритый наголо! Правда, глаза хороши – большие, серо-голубые, опущенные длинными черными ресницами. И брови густящие да черные. Ну ладно, все равно сейчас никого нет под рукой, сойдет и этот.

А этот сошел почти на весь пятый курс. И маме он понравился, все зудела: «Выходи за Володю, выходи за Воло-

дю!» Сговорились у Юли за спиной, Володька родителей из Хмельницкого притащил, знакомиться и о свадьбе договариваться.

Юля тогда так разозлилась, что наговорила лишнего. В том числе и обвинила парня, что он просто хочет жениться на москвичке, чтобы получить постоянную регистрацию, а в перспективе – гражданство. В общем, понаехали тут!

Девушка на всю жизнь запомнила, как страшно побледнел тогда Володька. На скулах вспухли желваки, руки так стиснули вилку, что Юле послышался придушенный вык.

В общем, Владимир Свидригайло исчез из ее жизни. Навсегда.

Первые пару месяцев Юля даже скучала по нему, а потом работа окончательно экспроприировала все мысли и чувства девушки, и она забыла и о Володьке, и о личной жизни вообще.

А теперь вот вспомнила. И так вдруг захотелось набрать мгновенно всплывший в памяти телефонный номер, услышать чуть хриловатый ласковый голос, заглянуть в нежные глаза...

Оказалось, что она уже вытащила из сумки мобильник и набрала половину цифрового ряда!

От злости на саму себя Юля даже ногой притопнула! Вот же самка бестолковая, ты о чем думаешь? Какой, на фиг, Володька? Во-первых, он скорее всего уже нашел себе другую москвичку и быстренько на ней женился, а во-вторых, ты не

забыла, куда шла?

Зашвырнув ни в чем не повинный аппаратик на дно торбы (ничего, он отомстит, когда тебе позвонят, будешь полчаса копать, чертыхаясь сквозь зубы), Юля уже не пошла, а побежала к зданию архива.

Федор Евграфович полностью соответствовал своему имени: седенький сухонький гриб. Сморчок. Нет, строчок – морщины странным образом расположились вдоль лица. И одет он был в гражданское, хотя Юле всегда казалось, что здесь должны сидеть люди в форме. Впрочем, кто его знает!

– Ну наконец-то, барышня! – недовольно пробурчал Федор Евграфович. – Сколько можно ждать!

Да она за двадцать минут добралась, личный рекорд! Но огрызаться сейчас – не самое мудрое решение.

– Извините. – Юля сделала бровки домиком и нацепила на лицо виноватую улыбку. – Так получилось.

– Получилось у нее! – Старикан, несмотря на майскую жару одетый в криво связанную жилетку поверх фланелевой рубахи, взял со стола несколько листков и протянул девушке. – До чего же современная молодежь несобранная пошла! Вот в мое время...

– А что это вы мне даете? – нахмурилась Юля. – Мне Светлана Михайловна велела папку с делом забрать.

– Не знаю, что там себе вообразила Светка, – сухо процедил дед, возмущенный столь беспардонным выдергиванием из сладостного облака воспоминаний, – но архивные дела на

руки не выдаются. Я ей предлагал приехать, посидеть здесь, поработать, найти интересующие ее материалы, я сделал бы ксерокопию, и все довольны! Но у нее, видите ли, времени нет! Вот я сам и выбрал, что считал нужным.

– У Светланы Михайловны действительно совсем нет времени. – Для достоверности Юля старательно похлопала ресничками. – Но она согласилась с вашей точкой зрения и прислала меня, чтобы материалы для нашей следующей программы подобрала я.

– Какой еще следующей программы? – насторожился архивариус. – Мне об этом ничего не известно.

– Так ведь только сегодня утром выяснилось, что именно нам понадобится. Причем очень и очень срочно.

– Ну, утром, ну и что? Позвонить нельзя, что ли?

– Не знаю, – растерянно пролепетала Юля. – Мне сказали, что вы в курсе.

– Ничего не знаю!

– Х-хорошо, – так, побольше дрожи в голосе и дрожащие губы, неплохо бы еще слезу выгнать, но этой методике только в театральном учат. – Как скажете. Я приеду еще раз, когда вы созвонитесь.

– Ну чего ты будешь мотаться туда-сюда, – ворчливо пробухтел Федор Евграфович. – Я сейчас сам Светке позвоню и все узнаю.

«Ага, звони».

– Вот засранка, телефон отключила, что ли? – Дедок сно-

ва и снова набирал номер Светланы Вежновец, выслушивал сообщение о том, что абонент временно недоступен, и распалялся все сильнее.

Пока не достиг степени «можно ковать».

– Федор Евграфович, миленький, – приступила к «ковке» Юля, – да не нервничайте вы так! Вам же плохо станет! Вон лицо какое красное, вдруг давление? Я еще раз приеду сегодня, попозже. Вот сейчас вернусь, передам Светлане Михайловне бумаги и попрошу ее вам перезвонить. А потом – снова сюда.

– Вот еще! – дал петуха старик. – Если эта бестолочь не в состоянии следить за своим телефоном, это ее проблемы. К тому же я тебе верю, деточка. Так что там надо для новой программы?

ГЛАВА 4

Собственно, Юле была нужна информация всего лишь об одном – в какую именно психушку отправили Дину Квятковскую. Координаты других участников экспедиции двухлетней давности девушка тоже решила выписать, но так, на всякий случай. Вряд ли они смогут рассказать что-либо интересное, никто ведь и мысли не допускал, что слова Квятковской – вовсе не бред.

В общем, Юля уложила в самой себе отведенный отрезок времени, и даже место в этом отрезке осталось. До того момента, когда, по ее расчетам, шефиня снова выйдет на связь, оставалось не менее получаса.

И очень хорошо, что некоторые люди по доброй воле и без всякого принуждения со стороны привычек становятся рабами этих самых привычек. Они предсказуемы, и ими можно манипулировать. В случае со Светланой Вежновец слабым звеном являлся ее странный, особенно если учесть род деятельности мадам, прибабах – она предпочитала пользоваться только одним мобильным телефоном, который не всегда справлялся с обилием звонков, разряжался в самый неподходящий момент, или еще какая-нибудь засада случалась.

Но Светлана Михайловна с упертостью длинноухого парнокопытного не желала приобретать еще хотя бы один аппарат. «А если они зазвонят одновременно? И оба звонка важ-

ные? Да у меня башка треснет от выбора!»

Зато благодаря легкой придури шефини Юле удалось сделать первый, причем весьма широкий, шаг на пути к вершине. Карьерной вершине.

Когда девушка вернулась с архивными документами в телецентр, Светланы Михайловны на месте не было. Она как раз отправилась в салон сотовой связи менять симку.

Отличненько! Теперь самое время сделать еще один шаг.

Юля вытащила из принтера лист чистой бумаги и торопливо написала заявление на двухнедельный отпуск за свой счет. По семейным обстоятельствам.

Так, теперь его надо соответствующим образом обыграть, чтобы Вежновец отпустила помощницу без разговоров. Девушка украдкой огляделась – в офисе, кроме нее, находился только один человек – оператор Виталик. Этот лохматый, вечно растрепанный парень лет тридцати, насмешник и язва, Юлю всерьез не воспринимал. Во всяком случае, девушке так казалось. Да и как иначе, если Виталик постоянно ее подкалывает, хихикает, кривляется! Юля первое время злилась, огрызалась, пыталась переязвить нахала, но соревноваться в этом с Виталиком – дохлый номер. Причем уже давно дохлый, даже пованивает.

И Юля решила игнорировать парня, отвечая ему только в том случае, когда он обращался к ней по делу. А в остальное время прикидывалась глухонемой. Хотя порой очень хо-

телось засандалить в лохматую обезьяну каким-нибудь степлером.

Но зато если за нее, Юлю, походатайствует сам Виталик, серьезностью ситуации проникнется даже шефиня.

«Так, что же предпринять такое, действенное? Думай, Носова, думай, ты же хочешь стать тележурналистом, а это требует умения находить нестандартные решения.

Ага, есть! Там, в шкафчике с чайно-кофейными принадлежностями, еще утром был лимон. Тугой, свежий, буквально переполненный соком».

Юля украдкой посмотрела на оператора. Оказалось, что украдка тут была совершенно не к месту, оператор, воспользовавшись отсутствием начальства, давно уже носился по миру сетевой игры в образе рослой блондинки по имени Пятровна. Можно было ирландскую джигу на столе выплясывать – Виталик из виртуала даже не выглянет.

Но джигу Юля выплясывать не собиралась. Во-первых, не умеет, во-вторых, в задуманный ею образ подобное поведение не вписывается. Вернее, не вплясывается.

Девушка встала из-за своего стола и спокойно, не спеша, направилась к шкафчику, где томился лимон. Только бы не повторилась история с кофе, только бы не оказалось, что и лимон за пару часов кто-то схрюпал! Хотя это ведь не апельсин, верно?

Верно. Но половину цитруса все же осилили. Ну, половина – это не страшно, ей и нужен-то небольшой кусочек. От

большого могут быть проблемы.

Юля отрезала светло-желтое колечко, вернулась на свое место, выждала несколько минут – Пятровна, конечно, в виртуале, но подсознание вполне может фиксировать перемещения коллеги по офису, – затем набрала полную грудь воздуха и брызнула соком лимона себе в глаза.

Набранный воздух с поставленной задачей справился, заполошно рвущийся из груди вопль рассеял, превратив его в невнятный бульк. Глаза, не ожидавшие от хозяйки такой подянки, немедленно опухли и залились слезами.

Чего, собственно, Юля и добивалась. Вот только не знала, что это так больно. Ладно, ничего страшного, проморгается. Никто и не говорил, что будет легко.

Девушка взяла написанное заявление на отпуск и, не утирая слез, направилась к увлеченно сражающейся с троллем Пятровне.

– Виталик, – прошелестела Юля.

Никакой реакции. Девушка громко всхлипнула и осторожно потрясла парня за плечо.

– Ну чего тебе? – Он даже головы не повернул – тролль, скотина, в этот момент занес над головой Пятровны здоровенную дубину.

– Виталик, я тут...

– А-а-а... твою мать! – заорал оператор. – Юлька, дура, какого черта ты меня отвлекла?! Меня же убили из-за тебя!

– П-прости, – еще громче всхлипнула Юля, – я не хотела.

– Не хотела она, – Виталик наконец соизволил повернуться и тут же озадаченно пробормотал: – Эй, а ты чего? Из-за меня, что ли? Ну извини, это я сторяча, сама понимаешь.

– Нет, – так, кулачком, по-детски вытереть глаза, шмыгнуть носом, – ты тут ни при чем.

– А кто при чем? Или что? Что случилось-то?

– У меня бабушка умерла. – Действительно умерла, но давно, десять лет назад.

– Ой, прости, – смутился Виталик. – Она болела?

– В том-то и дело, что нет! – Судорожный, прерывистый вздох. – Я к бабуле еще в эти выходные ездила, она меня оладушками угощала, с ме-е-е-едом!

Юля выронила заявление, сползла на пол и, уткнувшись лицом в колени, бурно затрясла плечами, всхлипывая и прихрюкивая.

Она очень надеялась, что Виталик, как и большинство мужчин, при виде женской истерики впадает в ступор. Надежда весело подмигнула – все в порядке, впал.

Попытался успокоить, поднял, усадил на стул, сбегал за водой, которую Юля успешно пролила, затем в отчаянии вцепился в лохмы и страдальчески протянул:

– Ну Юлька, ну не реви ты так! В конце концов, это же не мать, это бабушка! Она старенькая все равно была!

«Ну, не идиот ли?»

Юля подняла залитые слезами – спасибо тебе, лимоша! – глаза и гневно выкрикнула:

– Да как... Как ты можешь такое говорить!

– Ой, прости, не подумал.

– Ты злой, бесчувственный чурбан!

– Ну я же сказал – прости. Слушай, а чего ты вообще тут делаешь? Ты иди домой, ты сейчас там нужна.

– Я Светлану Михайловну жду, попрошу, чтобы она мне заявление подписала.

– Какое?

– Вон, на полу лежит. Хочу отпуск за свой счет взять, на две недели.

– На две недели? А зачем так много?

– С мамой хочу побыть. Она очень к бабуле привязана была, без отца ведь росла, бабуля маму одна поднимала. Я не представляю даже, как ей сказать!

– А разве твоя мать еще ничего не знает?

– Нет, – так, лицо дрогнуло, губы выгнулись скобочкой. – Бабулина соседка мне позвонила. Утром бабушке стало плохо с сердцем, она «Скорую» успела вызвать и даже дверь им отперла, но до дивана не дошла, упала... Врачи констатировали смерть, а тут и соседка пришла, она услышала шум и вышла. Пока ждали перевозку из морга, – судорожный всхлип, – соседка стала набирать номера, которые были записаны на листочке возле телефона. Сначала позвонила нам домой, там, само собой, никого не было. Мама трубку не взяла, наверное, где-то телефон опять оставила. Ну вот...

Юля сгорбилась и, зажав ладошки между коленями, ти-

хонько заплакала.

Виталик сморщился, как от зубной боли, приобнял де-вушку за плечи и проговорил:

– Ты иди, иди к маме, не жди Светлану. Я сам ей твое заявление передам, объясню ситуацию.

– Правда? – Юля подняла на парня опухшие глаза. – Ты поможешь?

– Конечно!

– Ой, спасибо тебе, Виталик! А Светлана Михайловна меня отпустит, как думаешь?

– Ну что же она, не человек, что ли? Не понимает, думаешь, ничего?

– Все-таки две недели, ты сам сказал... И программа новая...

– Ничего, справимся. Ты иди, Юля, иди. И кстати, может, помощь нужна? Или деньги?

– Нет, спасибо, главное, чтобы отпустили. А мы справимся.

– Если что – звони.

– Обязательно. – Юля поднялась, взяла свою сумку и медленно, шаркая ногами, поплелась к двери. Там остановилась, повернулась к Виталику и тихо произнесла: – Только мне пока не звоните, я телефон отключу.

– Почему?

– Не хочу сейчас слышать соболезнования, мне от них реветь все время хочется. Я сама выйду на связь, как только

смогу.

– Хорошо. Хотя что ж тут хорошего... Ты держись, Юлька.

– Я попробую.

Закрыв за собой дверь, Юля победно улыбнулась.

ГЛАВА 5

Так, вопрос с работой решен. Теперь главное – не встретиться с Вежновец по пути к выходу, она тетка тертая, следам может и не поверить. Звонить начнет, справки наводить. А это в данном случае равносильно наведению ствола зенитно-ракетного комплекса – размажет не по-детски.

Поэтому Юля направилась не к лифтам, а в сторону лестницы. Вряд ли шефиня потащится на восьмой этаж пешком, Светлана Михайловна не являлась фанатом здорового образа жизни. Во всяком случае, в поедании исключительно листиков салата и ежедневном посещении фитнес-центра уличена не была.

Весело напевая гимн зайцев из «Бриллиантовой руки», Юля вприпрыжку поскакала вниз по ступенькам. И ей было настолько «все равно», что присоединившийся на четвертом этаже попутчик остался незамеченным, тем более что он отстал на два лестничных пролета. Вернее, проскока.

Вообще-то следом шел не он, а она – девушка из службы новостей, Таня. Лично с Юлей она знакома не была, но в лицо знала, и где работает – тоже.

Таня невольно улыбнулась, услышав нетленку про зайцев. Судя по всему, у Носовой дела идут прекрасно, раз ей все проблемы – трын-трава.

Перед выходом в вестибюль Юля притормозила, вытаци-

ла из запасников унылое выражение лица и наспех приклепнула его поверх улыбки. Результат получился несколько сюрреалистичным, физиономию от переизбытка масок слегка перекосило, но это оказалось в тему – встреченные по пути знакомые запомнили, что Юлька Носова была очень странной: глаза красные, опухшие, лицо перевернутое, промчалась мимо и даже не поздоровалась.

А Таня всей этой метаморфозы не видела, поскольку шла на второй этаж.

Юля миновала пост охраны, подбежала к стеклянным дверям главного входа и едва не скончалась от ужаса – навстречу шла мадам Вежновец собственной, так не нужной сейчас персоной. Удача, весь этот день парившая над девушкой, сложила крылья и направилась к земле стилем «утиуг», Юля даже слышала нарастающий вой пикирующего трындеца. Ведь шефиня смотрела на нее в упор, да еще и говорила что-то.

Паника радостно хихикнула, предвкушая развлекуху – сейчас эта курица метаться начнет, кудахтать, глупости лепить, как куличики из песка. Журналист из нее, как... как... как из этого «кака» пуля, гы-ы-ы.

И Юля уже практически приступила к намеченному плану действий, но потом сообразила, что вечернее солнце обычно делает стеклянные двери телецентра зеркальными, и снаружи разглядеть происходящее внутри здания практически невозможно. С кем шефиня разговаривает, если рядом с ней

никого нет? А по телефону и разговаривает, по реанимированному телефону, вон, если присмотреться, наушник виден.

А это значит что?

Соображалку включи, вот что. Тренировка в условиях, приближенных к боевым. Причем к очень боевым, Вежновец уже протянула руку, чтобы открыть дверь.

Юля лихорадочно осмотрелась – спрятаться в холле телецентра было негде. Ни одного подходящего шкафа, что ты будешь делать! Ага, вон, похоже, собирается массовка для записи очередного ток-шоу. Отличненько!

Светлана Михайловна, не прерывая телефонного разговора, прошла мимо массовки, не обратив на людей никакого внимания. Да она и не зафиксировала их, зачем? Такие сборища толкуются у поста охраны практически ежедневно, став привычным элементом телевизионной жизни. Если бы Вежновец работала сейчас редактором программы, которой нужны зрители в студии, она, возможно, и задержалась бы, выбирая интересные типажи. Но все интересующие ее съемочную группу персонажи находились очень далеко от телецентра, поэтому разглядывать толпу не стала.

Только когда за шефиной закрылись створки лифта, Юля обратила внимание на колокольный звон в ушах. И на пытающееся убиться о ее грудную клетку сердце. И в глазах почему-то темнеть стало.

– Девушка, вам плохо? – обеспокоенно склонился к ней

усатый дяденька. – Вон побелела как! Вы присядьте. Волнуетесь, что ли? Первый раз на телевидении?

– Спасибо, – просипела Юля, обнаружив причину своего недомогания – она просто не дышала все это время, забыла.

– Да чего ж спасибо-то, вы даже не присели!

– А куда ей присесть, по-вашему? – немедленно вмешалась сухонькая старушка с собранными в затылочную дулю волосами. – Вы что, молодой человек, видите поблизости хотя бы один стул? Или на пол прикажете?

– Ваше-то какое дело, дамочка? – огрызнулся дядька.

– А вы мне не хамите!

– Да больно надо!

Увлечшись грызней, массовики-затейники, похоже, забыли о первоисточнике спора, и Юля поспешила сбежать.

Вырвавшись на волю, девушка втянула в себя майский вечерний воздух, пытаясь найти в нем запах перемен.

Но пахло в основном выхлопными газами. Ну и ладно.

Так, хватит принюхиваться, лапуля, ты кое о чем забыла. И это «кое-что» может одним звонком разрушить твой хлипкий пока мостик к вершине.

Юля торопливо вытащила из сумки мобильник и нажала кнопку отключения. Вовремя – буквально в последний момент гаснущий дисплей попытался сообщить о входящем вызове, но было уже поздно, телефон отрубился. Зафиксировать, с какого номера звонили, он не успел.

Хотя девушка абсолютно точно знала, кто звонил. По вре-

мении как раз получалось – Вежновец добралась до их комнаты, Виталик поведал ей грустную историю Носовой, и шефиня немедленно решила сама выяснить суть дела.

Главное, чтобы она сейчас матери не начала барабанить.

Нет, это вряд ли. И дело даже не в том, что Светлана Михайловна не знает номера мобильного Марины Евгеньевны, просто, по версии Юли, ее мама еще не в курсе происходящего, а кто же захочет лично сообщать столь печальную новость!

Все, хватит тут торчать, пора домой, составлять план дальнейших действий.

Чтобы через две недели вернуться сюда триумфатором. Или триумфаторшей? А какая разница, главное – смысл.

Что? Двух недель слишком мало, чтобы собрать всю информацию? Допустим, тем более что на Кольский полуостров она в одиночку даже соваться не станет. Но для организации еще одной, более профессиональной, экспедиции к магическим лабиринтам Севера Юля сумеет накопать достаточно.

Надо только определиться, с чего начать. С опроса остальных участников того кровавого похода или с поездки в один из городов Московской области, на окраине которого расположилась психиатрическая больница закрытого типа.

Ага, а как ты, дорогуша, собираешься осуществить любое из этих действий? Почему ты решила, что с тобой вообще станут разговаривать незнакомые люди? Да еще на столь бо-

лезненную для них тему? У тебя ведь даже журналистского удостоверения нет?

Хорошо, удостоверение «Пресса» можно купить в подземном переходе, но такие корочки пригодны только в беседе с не очень умными людьми, именуемыми нынче лохами. А в тот поход, если судить по материалам дела, отправились вовсе не лохи, а состоявшиеся, грамотные, уверенные в себе личности. И трясти перед их носом фальшивым удостоверением довольно рискованно.

В закрытую психушку вообще никого не пускают, даже настоящих журналистов.

И что делать?

С головой погрузившись в размышлизмы, Юля для начала проехала свою остановку метро. Причем основательно так проехала, до конечной до-трюхала, а это, между прочим, четыре лишние остановки!

У, бестолочь!

Размышлизмы трансформировались в самокритикизмы. Нет, плохое слово получилось, что-то среднее между клизмой и кретинизмом.

В общем, Юля занялась самым непродуктивным (а порой и опасным) делом – запихиванием себя под плинтус.

И так успешно продвинулась в этом деле, что к моменту прибытия на свою станцию из-под плинтуса торчал только кончик расстроенного носа. А как ему, носу, не расстраиваться, если он опух и покраснел? И из маленького и изящ-

ного превратился в какой-то маловразумительный нашлепок?

А другого носа у бестолковой, ни на что не годной девахи и быть не может! Так хорошо начала, и что теперь? Затупила конкретно, куда дальше двигаться – не знаешь. Программу она собственную захотела, три ха-ха!

Но вместо трех «ха-ха» получились три всхлипа. И в довершение ко всему Юля уткнулась этим самым рассопливившимся носом в чью-то грудь. Мужскую, если судить по мускулистости и отсутствию бюста. Впрочем, не факт.

Но разбираться в половой принадлежности протараненного человека Юля не собиралась.

– Извините, – буркнула она, не поднимая глаз.

– Юля?! Что с тобой, маленькая?

Так ее называл только один человек – Володька.

Это действительно был он. И в то же время – не он. Вместо привычного ей простоватого парня в джинсах и недорогом свитере перед девушкой стоял настоящий мачо: великолепно сидящие светлые слаксы, стильная рубашка, дорогие итальянские туфли, трехдневная ухоженная щетина, ненавязчивый аромат хорошего мужского парфюма. Судя по всему, Владимир Свидригайло все же нашел себе москвичку, да еще и из богатеньких, не то что она, Юля.

И радостно устремившаяся было навстречу парню душа мгновенно спряталась обратно, в свою бронированную раковину. Еще и стальной засов на входе с грохотом задвинула.

– Не твое дело! – процедила девушка, вырвав ладошку из теплых рук. – Иди куда шел!

И совершенно некстати хлопнула носом.

– Нет уж, – Володя приобнял девушку за плечи и отвел в сторону, – никуда я не пойду. Ты плачешь, значит, тебе плохо. А я не люблю, когда тебе плохо.

– Не придуривайся! – разозлилась Юля. – Мы с тобой уже почти год не общаемся, ты, как я вижу, нашел более подходящий матримониальный объект, и тебе нет до меня никакого дела! Видишь, как удачно все получилось тогда – согласишься я выйти за тебя замуж, и был бы ты по-прежнему бедным охранником в супермаркете, только что москвичом бы стал. А так – и москвич, и не бедствуешь. Видно, богатенькую наследницу окучил, да? «Мазератти» сломался, поэтому ты в метро? Уходи от меня, слышишь! Отстань!

– Маленькая, успокойся...

– Не называй меня так! – топнула ногой девушка. – Альфонс!

– Не смей! – На скулах парня вздулись желваки. – Ты не имеешь права меня оскорблять!

– Скажите пожалуйста! – Вся злость на себя, на свою беспомощность выплеснулась на ни в чем не повинного парня. Хотя почему не повинного, очень даже повинного – вон он теперь какой, гад! – Оскорбили его! Правдой оскорбить нельзя!

– Юля, прекрати, давай поговорим, – Володя еще пытался

достучаться до девушки, но раковина была непроницаема.

– Не о чем нам с тобой разговаривать! Тебя нет в моей жизни, понял? Нет!

И Юля, оттолкнув парня, бросилась к эскалатору. Быстрее, быстрее, пока он не догнал.

Но никто ее и не собирался догонять. Когда Юля, прежде чем сойти с эскалатора, все же оглянулась назад, Володи уже не было. Нигде.

Ну и пусть.

ГЛАВА 6

Встреча с Володькой окончательно добила Юлю. Ведь буквально днем она вспоминала о нем, даже скучала! А еще оказалось, что всего того, чего девушка совершенно не ценила, когда они были вместе, именно сейчас ей так недоставало! Заботы, нежности, сильных рук, помощи и совета, в конце концов! Володя всегда интересовался ее делами, и Юля знала – сейчас он тоже внимательно выслушал бы, подсказал правильное решение и обязательно сделал все, что в его силах, чтобы помочь любимой.

А вот и нет. Он притворщик, хамелеон! Умело изображает из себя влюбленного, чтобы добиться своей цели! И ведь добился же, гад! Все, забыть и выбросить! Нет никакого Владимира Свидригайло, нет и не было никогда!

И фамилия у него дурацкая!

Но ведь... у него такие теплые сильные руки, такая широкая мускулистая грудь, в которую так уютно ткнуться носом и спрятаться от проблем и бед...

Все, хватит! Там есть кому утыкаться и в грудь, и в другие части тела! Забудь!

В общем, домой вернулась не Юля, в квартиру вкатился котел, переполненный бурлящей смесью разочарования, злости и отчаяния. Крышка на котле угрожающе хлопала, а значит, взрыв мог произойти в любую секунду.

Если не оставить котел в покое, не дать ему остыть.

Но Мария Евгеньевна этого не знала. Она, как и все мамы, просто увидела, что ее ребенку плохо, что доченька расстроена и глазки у нее красные, и носик опух.

– Солнышко мое, что случилось?! – немедленно захлопала крыльями она, стремясь заслонить своего цыпленка от всех бед и проблем. – На тебе же лица нет!

– А что, на мне голый череп остался? – Юля скинула туфли, отшвырнула сумку и стремительно прошла в свою комнату.

– Девочка моя, да что такое? – мать устремилась следом. – На работе неприятности?

– На работе все нормально, отстань.

– Да какое нормально, я ведь не слепая, вижу, – Мария Евгеньевна присела рядом с упавшей на кровать дочкой и ласково погладила по плечу. – Что, редакторша твоя опять ругала, да? Ничего, милая, потерпи, ты пока пролетарий телевидения, до вершины еще добраться надо...

– Пролетарий?! – Юля развернулась к матери и раздраженно заорала: – А я не хочу быть пролетарием, поняла? Согласно древнеримскому праву, пролетарии – это люди, живущие за счет государства и не способные ни к чему, кроме воспроизведения себе подобных! Вот ты свою жизнь так и прожила, почтовый пролетарий, а я не хочу! Я способна на многое!

– Я вижу, – голос матери похолодел, она медленно подня-

лась, пару мгновений смотрела на дочь, а потом, не произнеся больше ни слова, вышла из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

Из бурлящего внутри Юли варева вырвался на поверхность стыд, но практически сразу снова пошел на дно. Подумаешь, обиделась! А что, не правда, что ли? Всю жизнь проработала на почте, то есть жила за счет государства, а сама ничего так и не добилась. Даже квартиру получила от того же государства. Ребенка вот только и родила, да и то без мужа. И вообще.

Ничего, переживет. А сейчас надо все же сообразить, что делать завтра.

Но бурлящее варево удушающих эмоций сообразительности не способствовало. Совсем. Разум, похоже, покоился на самом дне, рядом со стыдом и совестью.

Больше всего хотелось сейчас разнести всю эту дурацкую девичью комнатку в клочья. Устроила мамаша домик Барби – обои в розовых финтифлюшах, белая мебель, занавесочки, цветочки, вазочки – фу, противно! Сходила маменька на курсы флористов, и теперь по всей квартире цветочные композиции натяканы!

Юля вскочила с кровати, схватила ближайшую вазу с изящным букетом засушенных цветов и швырнула ее об стену. Ваза вскрикнула и разлетелась на осколки, стеклянным пеплом просыпавшиеся на ломкие стебли собранных прошлым летом цветов.

Девушка протянула было руку к следующей вазе, но вдруг поняла, что не может больше. Она, рука, не поднимается. На ней камнем повис все-таки сумевший вернуться стыд.

Что ж ты творишь, дрянь такая?

Что хочу, то и творю.

Но извержение негативного вулкана уже пошло на убыль, крушить и громить расхотелось. Однако прощения просить Юля не собиралась. В конце концов, она правду сказала, а на правду умные люди не обижаются!

Ладно, пора и в Интернет наведаться, побродить там, успокоиться окончательно. К тому же всегда есть надежда на новое письмо от Жреца. Сама написать неведомому осведомителю девушка не могла, Жрец в самом начале своего послания предупредил, что связь односторонняя и писать на тот электронный адрес, с которого отправлено письмо, категорически не рекомендуется.

Юля села за стол и включила компьютер. Но удобно устроиться перед монитором помешала матерная тирада со стороны желудка. Бурчание было достаточно громким и внятным, чтобы различить в нем отдельные слова. Нелитературные слова, смысл которых сводился к одному – ты что, хозяйка, совсем «ку-ку»? Забыла, когда мы с тобой ели в последний раз? Правильно, утром. А сейчас что? Вот молодец, вспомнила!

ВЕЧЕР, мозгля доходяжная, ве-чер! Пора организму энергии подбросить, тот же мозг вялый подпитать, глядишь,

и мысли в гости придут.

М-да, не мешало бы, конечно, заглянуть на кухню, посмотреть, что там мать на ужин приготовила, но как-то не комильфо. Сначала наехала, а потом жрать пришла.

Юля, стараясь не обращать внимания на бурчание желудка, открыла свой почтовый ящик. И тут же забыла обо всем, в том числе и о скандальном органе пищеварения.

Потому что ее ждало новое письмо от Жреца! К тому же с подробнейшими инструкциями по поводу дальнейших действий!

Оказалось, что ее сегодняшняя архивная эпопея была совершенно напрасной, адрес психиатрической лечебницы, где содержалась Дина Квятковская, имелся в письме Жреца, как и схема проезда. Но кто же знал, что оно, письмо, придет! В конце концов, журналистский опыт приобрела, способность быстро соображать потренировала, доказала, что не такая уж тямтя-лямтя, кое-что может.

Но письмо все-таки было очень кстати. Все мучительные раздумья по поводу «что дальше» оно отправило на фиговое дерево.

Кем бы ни был этот Жрец, стоило сказать ему спасибо. Это же не голова у человека, а Государственная дума в полном составе! Даже еще эффективнее! Так детально проработать все нюансы, продумать план действий до мелочей!

Зачем это ему надо и почему бы ему самому не заняться расследованием? Да какая, собственно, разница? Опасно-

сти никакой нет, не на Кольский полуостров надо ехать, а всего лишь в Подмосковьё, так что вариант маньяка отпадает. Может, Жрец чисто физически не способен сам заняться расследованием, какой-нибудь инвалид лежащий или что-то вроде того.

А что, между прочим, вполне логичное объяснение.

Юля несколько раз перечитала письмо, стараясь запомнить все детали, пока не сообразила распечатать его на принтере.

А потом удалила письмо из почты. Зачем? Так надо было, Жрец попросил.

До чего же здорово все складывается! Практически безо всяких усилий со своей стороны Юля в ближайшие дни станет обладателем ценнейшей информации, носителем которой сейчас является Дина Квятковская, а потом – потом все будет просто прекрасно!

Вот прямо завтра Юля и отправится в тот самый город, где ее ждет удача. Тем более что проблем с билетом не будет, электрички туда ходят ежедневно, утром и вечером. Потом – на автобусе тринадцатого – ужас какой, ага – маршрута она доедет от вокзала до остановки «Больница», выйдет, пройдет сто метров вперед по улице, увидит высокий глухой забор, выкрашенный в зеленый цвет, обойдет его по периметру, дойдет до КПП. Там скажет, что она – Юлия Носова, двоюродная сестра пациентки Дины Квятковской, свидание разрешено лечащим врачом. Главное – не забыть паспорт, а

то не пропустят.

И диктофон с видеокамерой не забыть, чтобы ни одно слово Квятковской не пропало.

Юля вскочила из-за стола, подхватила с кровати плюшевого мишку и, весело напевая, закружилась с Тедди по комнате. И вовсе у нее не дурацкая комната Барби, а очень милая и уютная, и мамочка у нее самая лучшая, самая добрая!

Ой, надо же с ней помириться. Ведь скоро в их жизни все изменится, Юля станет богатой и знаменитой, купит большой дом на Рублевке, перевезет туда мамусю, пусть рулит прислугой. А как же, не самим же по дому горбатиться! Обязательно надо нанять кухарку, горничную и садовника, а потом они посмотрят.

Юля вернула слегка офонаревшего от кружения мишку на место и выпорхнула из комнаты.

– Мамуля!

Тишина.

– Мамочка, ну не обижайся! Прости меня, дрянь бессовестную, пожалуйста!

Ни звука. Сердце вдруг сжалось в тугой комочек. Господи, а вдруг маме плохо стало?! Юля вихрем промчалась по квартире – никого. Да где же она?

У входной двери одиноко горбились мамины домашние тапочки. Ушла? Но куда? Зачем?

Юля вдруг вспомнила свои ощущения почти двадцатилетней давности, когда она, трехлетняя, потерялась в мага-

зине, засмотревшись на большую куклу. Говорят, что мы не помним себя до пяти лет, возможно, но тот панический ужас, то ощущение пустоты и холода Юля запомнила на всю жизнь.

И что-то похожее ощутила сейчас.

В носу снова засвербело, глаза переполнились слезами, захотелось, как тогда, в магазине, зарыдать во весь голос, сорванно крича: «Мама, мамочка!»

И в этот момент в замке закряхтел ключ.

Дверь распахнулась, и Юля, судорожно всхлипнув, повисла у мамы на шее:

– Мамочка, родненькая, прости меня! Я дура, я дрянь, не слушай меня! Ты самая лучшая, самая добрая, самая-самая! А я сволочь капризная!

– Ну что ты, что ты, – Мария Евгеньевна даже растерялась немного, мгновенно забыв про обиду на дочь, – успокойся.

– Успокоюсь, если простишь! Я больше не буду, честно-пречестно!

– Двадцать три года, – ласково улыбнулась мать, – а словно три. Только шкоды совсем не детские.

– Прости-и-и-и!

– Ну ладно, забыли.

– Спасибо, мамусик! Я тебя люблю!

– Я тебя тоже, солнышко.

ГЛАВА 7

– Мамулик, – Юля еще раз проверила содержимое небольшого рюкзачка – все ли взяла, ничего не забыла, – можно, я твой мобильный возьму?

– Зачем? – вопросительно подняла брови Мария Евгеньевна.

– Да мой что-то заглохнул, надо в салон наведаться. А мне сегодня без связи никак нельзя, в небольшую командировку еду.

– В какую еще командировку? – всполошилась мать. – Ты мне ничего не говорила про командировку!

– А чего говорить, – махнула рукой девушка, – когда я всего на один день еду, туда и обратно. Так что никакая это и не командировка, а просто поездка в Подмоскowie.

– Подмоскowie – оно большое. Куда конкретно ты едешь?

– В Подольск.

Вовсе и не в Подольск, но Жрец прав – никто не должен знать, куда именно Юля едет, даже мать. Мало ли, обмолвится знакомым, и сенсацию уведут из-под носа. Мир тесен, а телевизионщики – народ ушлый.

– Ну, если в Подольск, – успокоилась Мария Евгеньевна, – тогда действительно ничего страшного.

– Страшного? – Юля хихикнула, обняла мать за плечи и чмокнула в щеку. – Мамусь, ну ты вообще! Я же не в тайгу

еду, и не в СИЗО, и даже не в Чертаново. Если бы и не в Подольск, а в другой город – что со мной может случиться среди белого дня, когда вокруг полно людей?

– И что те люди? – проворчала Мария Евгеньевна. – Вон в криминальной хронике сколько показывают – заволокут девочку в машину, а прохожие даже близко не подойдут.

– Меньше надо всякой ерунды по телику смотреть. И если уж на то пошло, заволочь в машину и в Москве могут. Так что, уже и на улицу не выйти? Не узнаю тебя, мамусь, раньше ты так не волновалась. Словно только что из деревни в город приехала и всего боишься.

– Ох, сама не знаю, что со мной, – тяжело вздохнула мать. – Давит сердце тоска непонятная, еще и сон плохой приснился.

– Обо мне?

– Не помню. Но проснулась от ужаса, едва не закричала. Сердце колотится, в голове только одно: «Юлька, доченька, как же так?!» А что «так», и не знаю, – Мария Евгеньевна отвела в сторону наполнившиеся вдруг слезами глаза.

– Ну что ты, мамочка, что за глупости! – Юля снова обняла маму и нежно потерлась щекой о ее плечо. – Это просто вчерашняя наша с тобой ссора так на тебя подействовала, ты расстроилась очень, вот глупости разные и начали сниться. Это все я, гадость такая!

– Ничего не...

– Мамочка, я спешу очень, электричка без меня уйдет.

– Да-да, конечно, доченька, беги.

– А что насчет телефона?

– Ох, прости, забыла, – Мария Евгеньевна метнулась в свою комнату и через пару минут вручила дочери свой телефон. – Вот ведь незадача какая! Без связи с тобой на целый день, а ты еще и уезжаешь! Не вовремя твой аппарат испортился, мой вот за все время ни разу не подвел.

– А такие, дешевые, без наворотов, на самом деле самые надежные, не то что смартфоны-капризули. Спасибо, мам, – Юля запихала трубку в рюкзачок и торопливо чмокнула мать в щеку, – я побежала.

– Храни тебя Господь, – прошептала Мария Евгеньевна, перекрестив свою убегающую девочку, – всегда и везде.

А девочка, едва за ней захлопнулись дверцы лифта, вытащила из рюкзака мамин телефон и отключила его. Прости, мамусик, за небольшой обман, но так надо. Один день можно и без телефона обойтись, а ей так спокойнее – ушлая шефиня до тебя не доберется.

А потом, позже, даже если обман и раскроется, это будет уже неважно.

На электричку Юля еле успела, чавкнувшие двери едва не откусили ей кроссовку.

Именно кроссовку, от любимых шпилек, на которых девушка привыкла скакать по городу, пришлось отказаться. Так посоветовал Жрец. Да, он и наряд продумал, а что тут такого? По электричкам и незнакомому городу действительно

лучше передвигаться в джинсах, удобных кроссовках, майке, легкой курточке и бейсболке. Самая обычная среднестатистическая девушка, каких тысячи, никто и внимания не обратит. А это главное – чтобы внимания не обратили.

И краситься Юля по той же причине не стала. Правда, могут возникнуть трудности при проверке паспорта – на фото она в полной боевой раскраске – ну да ничего, не впервой, прорвется.

Вот только без привычных каблучков было как-то некомфортно, почти на всех приходилось смотреть снизу вверх, рост ведь совсем не гренадерский, метр пятьдесят семь сантиметров с начесом.

Зато удобно, шпильки в стыки тротуарных плиток не проваливаются.

Жрец действительно описал весь маршрут с потрясающей скрупулезностью, разве что количество деревьев и кустарников на пути к больнице не указал.

А в остальном – полное соответствие действительности. И автобус номер тринадцать до остановки «Больница» довез, и забор был высоким и зеленым. Металлическим, и с колючей проволокой поверху.

Здания самой больницы видно не было. Собственно, за этим забором ничего видно не было, для того и соорудили, между прочим. Клиника-то закрытая, содержатся там особо опасные психи, поэтому мышь проскочить не должна, не то что человек.

И паяться туда нечего, не театр.

Чем дальше Юля шла вдоль угрюмо насупившейся ограды, с подозрением зыркавшей на девушку закрепленными через каждые двадцать метров камерами видеонаблюдения, тем меньше оставалось в ней энтузиазма и уверенности в успешном завершении дела.

Никто ее к Дине Квятковской не пропустит, это ведь не обычная психушка. Да, она, Юля, знала, что свихнувшаяся преступница содержится в заведении закрытого типа, но одно дело – знать об этом отвлеченно, и совсем другое – увидеть сие заведение воочию. Двоюродная сестра приехала навестить Диночку! И что? Что-то вон на тех сцепивших зубы воротах не видно таблички с расписанием часов посещения больных.

На них вообще ничего нет, даже названия прячущегося за забором заведения. Только переговорное устройство да все те же вездесущие видеокамеры.

Юля остановилась возле ворот и несколько мгновений нерешительно топталась на месте, не отваживаясь протянуть руку к кнопке переговорного устройства. Почему-то вдруг стало до жути страшно, по спине прокатилась снежная лавина, сердце судорожно замерло.

А может, ну его, этот репортаж, это расследование? С мистикой и колдунами лучше не связываться, вон уже сколько смертей принесла мифическая Гиперборея с ее Вратами. Юля в принципе нормально устроилась, перспективы ка-

рьерного роста имеются, пусть и не такие быстрые, зато безопасные.

«Пра-а-авильно, – насмешливо прозвучал в голове чей-то голос, – сиди, жуй сопли. Года через три перестанешь быть разносчицей кофе, через пять – доверят разбирать почту, через десять – дослужишься до почетного звания редактора программы. И станешь Вежновец номер два, такой же прокуренной и мужеподобной. О своей программе можешь забыть, зато тихо, спокойно и безопасно».

«Ну и пусть! Зато действительно безопасно, а сейчас уши закладывает от воющего в голове сигнала тревоги».

Он становился все сильнее, практически заглушая продолжающий язвить голосок, и вскоре буквально разрывал Юлю на части, завывая лишь одно слово: «Уходи!»

«Но ведь я почти четыре часа потратила на то, чтобы добраться сюда...» – «Уходи!»

«А мое вранье насчет смерти бабушки? Что будет, если на работе узнают об этом?» – «Уходи-и-и!»

Вой перешел в визг, каждый нерв болезненно завибрировал, Юля вскрикнула и зажала уши ладонями.

И вой прекратился. Зато откуда-то издалека донесся едва слышный шепот мамы: «Доченька, беги оттуда! Слышишь меня? Беги!»

Юля развернулась и собралась уже идти обратно, но в этот момент динамик переговорного устройства хрюкнул и металлический голос произнес:

– Девушка, вам кого?

– Н-никого, я...

– Вы уже десять минут стоите у ворот. Кто вы и что вам надо?

– Меня зовут Юлия Носова, я кузина вашей пациентки Квятковской.

– Кузина?

– Ну, двоюродная сестра. Хотела вот навестить Дину...

– А сказали – никого.

– Просто... – Юлия смущенно шмыгнула носом, недавняя паника сейчас показалась совершенно идиотской. – Я увидела, как тут все строго: забор, колючая проволока, никаких опознавательных знаков, и решила, что ошиблась, не туда попала.

– Вы туда попали. Паспорт с собой?

– Да.

– Проходите.

И ворота бесшумно поехали в сторону.

ГЛАВА 8

В левом защечном мешке ограды обнаружился нарост из стекла и бетона – будка охраны. Причем проектировалась она, судя по размерам, на сухонького дедульку ростом с лопату для снега и вооруженного стреляющей солью берданкой. Обычно именно такие персонажи служат в охране больниц. Иногда – бабульки с вязальными спицами наперевес.

Но это в обычных больницах. Здесь же охрана была на уровне. На уровне двух метров в высоту и полтора – в ширину. Шея – размером с Юлькину... хм, обычно на эту часть приключений ищут. Вот только голова у мужика подкачала: маленькая, лысенькая, с узким лобиком. Юле она напомнила эпизод из фильма «Люди в черном», когда инопланетянин начал отращивать отстреленную голову. Только в фильме голова выросла до нормальных размеров, а здесь – не получилось.

И от этого махина, с трудом выпавшая из крохотной будки, выглядела совсем не страшно. Настолько не страшно, что девушке едва удалось затолкать обратно рвущийся на волю хихик.

Причем состояние «не страшно» оказалось вдруг тотальным, недавняя паника куда-то исчезла, Юле даже немного стыдно стало собственной истеричности. Едва не сбежала ведь, курица!

Все-таки какой он молодец, этот Жрец! Надо будет потом обязательно его разыскать и поблагодарить. А если ему понадобится помощь, Юля сделает все, что в ее силах.

Но пока Жрец выполнял за будущую телезвезду всю ее работу, причем четко и профессионально. Во всяком случае, гигант с рудиментарной головой не задал девушке больше ни одного вопроса. Он внимательно изучил ее паспорт, после чего вытащил из нагрудного кармана рацию и коротко приказал:

– Санитара четвертого блока на пост охраны.

И застыл, не выпуская посетительницу из поля зрения. Поле это оказалось весьма некомфортным – узким и давящим, отвлечься разглядыванием территории не получалось, потому что хотелось только одного: стать черепахой. Залезть себе в панцирь, и пусть этот гамадрил сверлит своими глазками-буравчиками сколько хочет. Нам, черепахам, это фиолетово. Или перпендикулярно?

В общем, появлению нового персонажа Юля искренне обрадовалась. Хотя в той, внепсихушечной жизни подобный тип вряд ли вызвал бы у девушки положительные эмоции. А если бы встреча с ним произошла вечером в Южном Бутово, то вполне вероятен вариант «описаться от страха».

Потому что в глазах появившейся горы сала в едва сходившемся на пузе застиранном белом халате не было ничего, кроме глумливой жестокости. А помещались эти гнилые болотца на изрытой угревой бомбежкой плоской физиономии

с тяжелыми надбровными дугами и рыхлым бесформенным носом. Рот у миляги был широким, с отвратительно толстыми губищами, при разговоре разбрызгивавшими слюни во все стороны.

– Чего звал? – Фу, а он еще и дискантом разговаривает, причем тембр самый мерзкий, словно пенопластом по стеклу.

– Вот, к пациентке из твоего блока сестра пришла.

– И че? Как пришла, так и уйдет, посещения ведь запрещены.

– А тебе разве Леонидыч ничего не говорил?

– А Леонидыч сенья не в себе весь день, обхода не делал, никаких новых назначений тоже. Заперся у себя в кабинете и носу не кажет. Похоже, с перепоею. Так что ниче он мне не говорил.

– Странно, – нахмурился охранник. – А у меня на столе лежит подписанное главврачом ходатайство Филимонова Петра Леонидовича, лечащего врача пациентки Квятковской, о посещении ее двоюродной сестрой.

– Фигня какая-то! – пренебрежительно отмахнулся санитар. – Отродясь тут никаких посещений не было, тут же отморозки сидят! Что-то напутал ты, брат. А насчет этой кисуни, – болота с гнилью перетекли на Юлю, – все просто. Раз уж приехала, я готов ее развлечь. Тебе понравится, лапа, – толстые губы разъехались в пакостной ухмылке, явив миру и солнцу желтые кривые зубы.

– Ты губы-то закатай, – рявкнул охранник, показавшийся теперь Юле не таким уж и мутантом. – А вы, девушка, не обращайтесь на него внимания, это он так шутит.

– Но как же быть? – Ага, она бы с удовольствием не обращала внимания, но оно, внимание, буквально захлебывается от ужаса, увязая в булькающей топи чужих глаз. – Меня пропустят к Дине или нет?

– А я сейчас позвоню главврачу, уточню. – Секьюрити повернулся и полез в свою будку, вернув Юлю на съемки программы «Очевидное – невероятное».

Ну не должен он там помещаться, никак не должен!

Однако поместился, вопреки законам физики и логики. Причем не только он, но и стул, стол, телевизор и телефонный аппарат. Все это отлично просматривалось сквозь стекло. Может, эта будка – дверь в иную Вселенную? И никаких Врат, ведущих в Гиперборею, уже и искать не надо? Достаточно просто войти в будку?

– Слушай, – гора сала придвинулась к Юле вплотную, – а ты ведь точно родня этой морковки унылой! Я только шас заметил, как вы с ней похожи! Только у тебя волосы длинные, а у Динки обкорнайки. И ты покрасивей будешь, глазки там, грудки, попка – все есть, не то что у той доходяги.

Жирная лапа с черными каемками под ногтями потянулась к груди девушки, Юля шарахнулась и едва не налетела на вернувшегося охранника.

– Генка, тебе что было сказано? – заорал тот. – Куда ты

свои грабли тянешь, кретин?!

– Подумаешь, цаца какая! – огрызнулся санитар. – Не убудет от нее. Так че главный сказал?

– Велел пропустить. Отведешь ее в палату Квятковской, а дверь запрешь снаружи. У вас ровно час на свидание с сестрой, – повернулся секьюрити к Юле. – Потом Геннадий вернется за вами и проводит на выход.

– Я с ним не пойду! – Девушка испуганно шарахнулась от оживившегося жирдяя. – Он... Он...

– Не бойсь, – брызнул слюной Мистер Вселенная. – Все будет чики-пуки.

– Тебе что, работа не нравится? – усмехнулся охранник. – Платят мало?

– С чего ты взял?

– А с того, что ты конкретно тупишь сегодня.

– Чего-о-о?

– Того. Извините, девушка, – охранник вежливо улыбнулся Юле, цепко беря Геннадия под заплывший жиром локоток, – мы отойдем буквально на пару минут.

Ну, отойдем – это мягко сказано. Они хоть и весили примерно одинаково, но в секьюрити вес держали тренированные мышцы, а в санитаре – жир. Поэтому Гентуся просто и незатейливо уволокли за будку, откуда слышались мягкие удары, словно пинали тюфяк, а потом – сдавленный шепот. Разобрать, о чем конкретно идет беседа, Юле не удалось. Да ее это, собственно, и не очень волновало, вполне достаточно

пинков тюфяка.

Что именно оказалось наиболее доходчивым аргументом – пинки или слова, а может, и то и другое – в любом случае обратно вернулся совершенно другой человек.

Нет, прекрасным стройным принцем с густой копной льняных волос и фиалковыми глазами Гентусь не стал, из-за будки выкатилось все то же похотливо-жестокое страшилище, но смотрело теперь это страшилище на посетительницу по-другому. С уважением и даже некоторым страхом.

Любопытно, что же такое ему сказал охранник?

Любопытство раздулось до совсем уж неприличных размеров, когда Геннадий, стараясь двигаться как можно изящнее, буквально на пуантах подпорхнул к девушке и, скосив от напряжения глаза, пробубнил:

– Эта... Вы извините, если че не так. Я же не знал. Идемте, я провожу вас. Только не знаю, что вы будете делать там целый час, эта су...

– Гена!

Санитар вздрогнул от окрика охранника, словно тот не словом, а хлыстом, да с отяжечкой, врезал, запнулся, подбирая слова, и забухтел дальше:

– Короче, эта... пациентка, Квятковская, она ведь вот уже полгода тыква тыквой.

– В смысле? – Юля перевела взгляд на охранника. – Что с моей сестрой?

– Все нормально, она тихая и спокойная, совершенно без-

опасна для окружающих, вот только...

– Да овощ она, о-воц! – поторопился уточнить Гентусь. – Не соображает ниче, сидит целыми днями у окна, на небо пялится. Леонидыч – это лечащий врач вашей сестры – даже волноваться стал, боялся, что взгреют его за такое лечение. Ну, он и отменил две недели назад самое убойное лекарство.

– Какое?

– А... его знает! Извините. Я же уколы не ставлю, я не мед-брат, а санитар. На фига мне голову забивать всякой ерундой. Короче, вашей сестре вот уже две недели только витамины колют, а сдвигов никаких. Как была овощем, так им и осталась. Наверное, поэтому и решили устроить ей свиданку с сестрой. Авось удастся снова человеком сделать. Хотя с другими пациентами так не возятся. Они же не шишки, как некоторые.

– Какие еще шишки? – искренне удивилась Юля.

– Гена, хватит болтать! – Охранник нахмурился и многозначительно посмотрел на Геннадия. – Отведи посетительницу в палату Квятковской. И никаких выходов, понял?

– Да понял, понял, не debil вроде. – А вот это вопрос спорный. – Идемте, гражданочка. Только учтите, здесь вам не санаторий, здесь – психушка, тут всякое случиться может. Поэтому советую держаться ко мне поближе и не отставать.

Юле вдруг снова нестерпимо захотелось уйти отсюда. Оказаться сейчас в офисе, среди нормальных, адекватных людей, попить кофе с Виталиком, поболтать по телефону с

подружками.

Но обратной дороги не было. Нет, она, конечно, была, вполне можно было прямо сейчас отказаться от посещения и выбраться на волю. Но это означало расписаться в собственной слабости и никчемности. Четко так расписаться, разборчиво: «Юлия Носова – пятый лебедь в третьем ряду. Пожизненно».

Нет уж, она рождена, чтобы танцевать главную партию!

– Ну, чего стоим? – Юля решительно подняла подбородок. – Ведите! Меня сестра ждет.

ГЛАВА 9

Юля неоднократно слышала истории о том, как преступники пытались ввести в заблуждение психиатрическую экспертизу, стараясь добиться признания их невменяемыми. Психушка ведь не тюрьма, там и режим попроще, и работать не надо, и сбежать можно.

Вот только тех симулянтов, кто попадал конкретно в эту психиатрическую больницу закрытого типа, ждал, насмешливо гыгыкая, крутейший облом.

Насчет режима и работы Юля ничего сказать не могла, а вот сбежать отсюда было нереально. Оставшийся безмянным мутант на входе оказался не единственным охранником этого уютного уголка. Молчаливые здоровяки в униформе дежурили возле каждой двери, а таких дверей было много, очень много.

Впрочем, дверьми в привычном их виде запирающие устройства клиники не являлись, перед Юлей и ее сопровождающим с еле слышным скрипом отъезжали в сторону решетки. Мощные такие, впечатляющие. Открывались с помощью специальной магнитной карточки, вернее, двух карточек – того, кто желал пройти, и дежурившего охранника.

Видимо, распоряжение главврача было доведено до сведения всех секьюрити, во всяком случае, никто из них не задал Юле ни одного вопроса.

Гентусь тоже не жаждал больше общения, он торопливо шагал вперед, причем скорость передвижения с каждым шагом увеличивалась. Вскоре девушка едва поспевала за своим провожатым. Если бы не периодические остановки перед решетками, Юля безнадежно отстала бы.

Четвертый блок располагался очень далеко от главного входа. Количество пройденных постов охраны измерялось уже не одним десятком, у Юли даже голова закружилась от однообразия маршрута: лестница, коридор, решетки, поворот, снова коридор, снова решетки. Правда, кое-где они проходили вдоль ряда наглухо запертых дверей.

Хотя нет, не наглухо. Во всяком случае, кое-какие звуки из-за этих дверей доносились. И звуки эти девушке не нравились. Совсем. А когда дверь, мимо которой она проходила, вдруг сотряслась от мощного удара, а потом послышалось хриплое рычание и вой, волосы под бейсболкой зашевелились, а затем со стороны затылка с топотом понеслась по спине, рукам, всему телу толпа гигантских мурашек.

Юля вскрикнула и машинально прижалась к плечу своего спутника.

– Не бойсь, – хмыкнул тот, но тут же поправился. – То есть эта... не бойтесь. Двери у нас надежные, металлические, не прорвется.

– Не прорвется? – Опомнившись, Юля отстранилась от санитара. – А я думала, что буйные пациенты к кроватям привязываются.

– Так он и был привязан. Просто ваш запах почуял, вот и вырвался. А ведь на первый взгляд – мозгляк мозгляком, а вишь че творит! Маньяк у нас там, псих конченный. Как почует запах новой бабы, так с цепи и срывается, – Гентусь хрюкнул, приглашая попутчицу оценить изящность шутки.

Не оценила. Занята была загоном мурашек в стойло.

Чем дальше они удалялись от главного входа, тем чаще располагались решетки и толще становились двери. Да и тошнотных звуков доносилось все больше.

А вот из-за толстенной металлической двери, перед которой остановился наконец Геннадий, не доносилось ничего. Но это почему-то не радовало. Наоборот, уже в третий раз за последнее время нестерпимо захотелось уйти отсюда. Причем к мысленному дискомфорту прибавился физический – стало трудно дышать, воздух стал вязким и густым, грудь сдавило.

Юля зевнула раз, потом другой.

– Че, давит? – понимающе покивал санитар. – Тут всегда так. Леонидыч, наш доктор, объясняет эту фигню какой-то гело...геопатологической зоной.

– Геопатогенной, вероятно?

– О, точно, этой! Но только ерунду он говорит, нет тут никакой зоны, это девка... Ох, извините – сестра ваша творит. Медсестры, что в этом блоке дежурят, боятся к ней заходить. Всегда просят меня или Санька, моего сменщика, побыть рядом, когда Квятковской надо укол ставить. Сейчас уже по-

легче стало, а когда ее только привезли – у-у-у! – Санитар даже плечами передернул.

– Что – у-у-у? – Юля незаметно включила пригревшийся в кармане куртки диктофон. – Что такого странного было в Дине?

– А то вы не знаете!

– Нет, мы с ней не виделись последние годы, только по телефону разговаривали. Ничего такого я не заметила. Для нас вообще шоком стало, когда мы узнали, в чем Дину обвиняют. Не могла она такого сделать, там что-то напутали.

– Могла, еще как могла, – Гентусь понизил голос до шепота. – Ее первые дни с завязанным ртом и глазами держали и на кровати фиксировали. И убойные дозы препаратов вгоняли.

– Но почему?!

– Потому что она по пути сюда едва не сбежала! Что-то сделала с охраной, они как куклы стали. Если бы не вторая машина сопровождения, ищи ветра в поле! Те, из второй, ее сразу вырубил, только так и смогли сюда доставить. Они нас предупредили, чтобы были поосторожнее, что больная владеет этим, как его... Ну, когда своей воле подчиняют?

– Гипнозом?

– О, точно! Короче, наши доктора не очень поверили, и девку сначала разместили во втором блоке, где не очень буйные содержатся. А теперь вот – здесь, в четвертом, самом охраняемом.

– Так что же она такое творила?

– Не могу сказать. Запрещено.

– Да кто узнает, говорили вы мне что-то или нет? К тому же мне сейчас предстоит встретиться с Диной, и я хочу знать, к чему готовиться.

– Не, теперь все нормально, говорил ведь – овощ она. Перестарался Леонидыч с перепугу, слишком много препарата влил.

– Тогда я не совсем понимаю, почему Петра Леонидовича так волнует это состояние Дины, ведь он добивался именно такого результата?

– А это вам лучше знать, – нахмурился санитар, вытаскивая из кармана магнитную карточку-ключ.

– Мне?

– Ну, или кому-то из других ваших родственников-шишек. Разволновались вдруг – как это так, вместо того чтобы вылечить человека, его залечили! А нам теперь геморроя прибавилось! Эта девка и в состоянии овоща дышать не дает, вы же чувствуете, зачем ее возвращать?

– Но...

– Все, хватит бесед. Вы хотели видеть свою сестру – пожалуйста!

Геннадий потянул на себя массивную дверь, открывая девушке путь к ее судьбе.

И ничего пафосного тут нет, именно судьбе, ведь от результата сегодняшнего свидания зависит вся дальнейшая

жизнь Юлии Носовой. Со щитом или на щите?

Скоро узнаем.

– Эй, ты! – заорал санитар, не переступая, впрочем, порога. – К тебе пришли! Сестра твоя!

Но стоявшая у зарешеченного окна спиной к двери тощенькая девушка с криво подстриженными короткими светлыми волосами словно ничего и не слышала. Не обернулась, даже не пошевелилась.

– Ну, че я говорил? – пожал плечами Гентусь. – Вот вам ваша сестра, делайте с ней че хотите, а я пошел. Через час вернусь.

– А если... – Юля беспомощно осмотрела практически пустую комнату, в центре которой стояла кровать, у стены – стол со стулом, вот, собственно, и все. – Что мне делать, если Дина... если она...

– Буянить начнет? – догадливо ухмыльнулся санитар.

– Д-да. Я слышала, что душевнобольные очень сильные.

– Это да, сильные.

– А тут вон стол металлический, стул тоже.

– Насчет мебели не переживайте, она вся к полу привинчена – слон не оторвет. И к тому же сестра ваша теперь тихая, опасности не представляет. Разве ж наш главврач рискнул бы шишку к буйной пустить!

– Да что вы все заладили – шишка, шишка! Никакая я не шишка!

– Ага, рассказывай! – хмыкнул Гентусь. – Короче, если

вдруг помощь понадобится или решишь раньше уйти, давай вот эту кнопку, – толстый палец указал на красный кругляш у самой двери. – И через пару секунд сюда прибегут охранники.

– Точно через пару секунд?

– Точно. Тем более сюда. А еще, – палец переместился вверх, – глянь туда.

Юля послушно глянула – под потолком успокаивающе подмигивал глазок видеокамеры.

– У нас во всех помещениях есть такие, – пояснил Геннадий. – Чтобы психи чего с собой не сотворили.

– Ну ладно, идите.

– Пощечите, девчата, – хрюкнул толстяк, захлопывая за собой дверь.

И Юля едва удержалась, чтобы тут же не забарабанить в нее, просясь на волю. А потом еще минут пять не решалась отойти от этой двери. Вернее, от спасительной красной кнопки.

Ну, и чего встала столбом? Время, между прочим, уходит. Утекает, уплывает, как ни назови – но его становится все меньше. А у нее в наличии – всего лишь маловразумительный рассказ санитара, из которого вряд ли удастся сотворить сенсацию.

И вообще – тут не трястись, словно заячий хвост, надо, а попытаться разговорить Дину. Она ведь действительно, судя по всему, превратилась в кабачок, вон, за все это время даже

не шевельнулась. Как стояла у окна, так и стоит.

Но раз Жрец устроил это свидание, приложив столько усилий, значит, смысл в этом был.

– Разумеется, был.

Она что, сама с собой разговаривает? Но почему тогда звук доносится со стороны?

Со стороны окна.

ГЛАВА 10

Нет, это вряд ли. Просто послышалось. Вон, Квятковская как стояла, так и стоит, даже не шелохнулась.

Но отходить от спасительной кнопки окончательно расхотелось. В конце концов, можно и отсюда побеседовать, диктофон у нее хороший, дорогой, запишет все до словечка.

Юля вытащила маленький аппаратик из кармана, нажала кнопку записи и, откашлявшись, вполголоса произнесла:

– Я нахожусь в палате закрытой психиатрической клиники, где содержится Дина Квятковская, признанная виновной в смерти трех человек и причинении тяжкого вреда здоровью еще двух. Кирилл Витке и Елена Осенева выжили только благодаря своевременно оказанной помощи...

– Это ненадолго, – снова прошелестело со стороны окна.

– Что ненадолго? – автоматически уточнила Юля.

– Выжили ненадолго. Я скоро закончу начатое.

И только теперь до девушки дошло. И вместо радости от того, что «овощ» вполне коммуникабелен, внезапно стало страшно. Страшно до жути, до истерики, до холодного пота. Страх мгновенно вышиб всякие дурацкие мысли насчет карьеры и сенсации, на первое место вырвался, сжавшись в тугую пружину, инстинкт самосохранения.

И велел нажать красную кнопку.

Раз велел, другой... Потом зарычал от нетерпения и бес-

толковости хозяйки. А потом взвыл от бессилия и безнадёжности.

Потому что хозяйка превратилась в манекен. В статую. В ледяной столб. Называть можно как угодно, смысл останется прежним – Юля не могла даже пальцем пошевелить.

Попыталась заорать, привлекая внимание ведущих видеонаблюдение, но горло сковал такой же спазм, как и все тело.

Но ведь... так не бывает!

Так просто не может быть!

– А разве не это тебя привлекало в истории с карельскими лабиринтами? – Квятковская повернулась и медленно направилась к неподвижной гостье. – Магия, загадочные знаки, Врата в Гиперборею. Интересно стало, да? Видишь, как тебе повезло, – она забрала у Юли диктофон и, насмешливо глядя своей жертве прямо в глаза, швырнула пластиковую кроху в стену, – ты можешь лично ощутить всю мощь потерянного мира. Но ничего, теперь уже недолго осталось. Я выйду отсюда и открою Врата. И весь этот убогий мирок жалких людишек подчинится мне! Только мне, да, Верховный Жрец?

Она прикрыла глаза, словно прислушиваясь к чему-то. Или к кому-то.

А Юля с надеждой смотрела прямо в равнодушно поблескивающий глазок видеокамеры. Ну, где же вы, ребята? Вы же все видите, а главное – слышите! Вы же знаете, судя по словам санитаря, на что способна ваша подопечная, так что же вы сидите?! Почему не слышно топота ног за дверью, по-

чему не воеет сигнал тревоги?! Она же абсолютно безумна, эта ваша Дина Квятковская! И дело даже не в том бреде, что она несет, вы же видите ее глаза!

Светло-голубая, словно выцветшая радужка практически исчезла, заполнившись тягучей чернотой зрачка. И эта бездна затягивала, лишала воли, отключала разум. Не буду смотреть, не буду! Только туда, в видеокамеру, должны ведь они сообразить, в конце концов! Помогите!!!!

– Да не пялься ты туда, бесполезно, – насмешливо усмехнулась Дина, оценивающе осматривая девушку с головы до ног. – Сейчас по всей клинике видеонаблюдение барахлит, помехи какие-то, вот незадача!

Неужели это она? Она может управлять не только людьми, но и техникой? Тогда зачем ей понадобилась Юля? Если хотела сбежать – бежала бы.

Или она... Говорила ведь что-то про завершение начатого, про Врата. Юля призвана сюда в качестве жертвы?!

– Не трясись ты так! – Дина глумливо потрепала девушку по щеке. – Никто тебя убивать не собирается. Ты нужна для другого, к тому же для открытия Врат требуется Ключ, а он спрятан далеко отсюда, в надежном месте. И поэтому мне надо уйти. Да, ты права, с некоторых пор я могу сделать это сама, без чьей-либо помощи, но я не хочу, чтобы мой побег привлек к себе внимание. Там, на свободе, кое-кто может переполошиться, начать поиски и снова помешать мне! – Тонкое личико милого эльфа исказила гримаса смертельной

ненависти. – А они должны не мешать, они должны помочь завершить ритуал открытия. Помочь своей смертью!

Дина с шумом втянула воздух, прикрыла глаза и какое-то время стояла неподвижно, то ли успокаиваясь, то ли советуясь с кем-то...

Улыбнулась, кивнула, приблизилась к Юле и взяла ее за руку:

– Идем, на разговоры нет времени, скоро тот придурок явится, а у меня еще ничего не готово. Тратить силы на его нейтрализацию не хочу, потому что слишком мало их пока у меня. Сил мало, я ведь только неделю как вернулась. Откуда вернулась? Из состояния овоща. Верховный Жрец все-таки смог дотянуться до разума моего лечащего врача и внушить ему, что пора возвращать пациентке Квятковской человеческий облик, а то высокопоставленные родственники этой пациентки будут очень недовольны. Хотя никаких таких родственников у меня нет, имелась только мать, но она перестала быть полезной.

«И ты отравила ее, мразь!»

Юля и представить не могла, насколько унижительно и страшно быть беспомощной марионеткой в чужих руках. С тобой делают все, что хотят, а ты тупо пялишься в пространство, не в силах ни помешать, ни убежать.

Дина усадила жертву на стул, вытащила из матраца ножницы и, не переставая болтать, принялась состригать длинные светлые волосы девушки:

– Ну вот, Петр Леонидович перепугался и отменил мне транквилизаторы. И уже через неделю после отмены я начала восстанавливаться. А потом вдруг оказалось, что я стала гораздо сильнее, чем была. Почему – не знаю, возможно, какое-то побочное действие транквилизаторов. А может, начал действовать ритуал, который я провела там, на Севере. И две принесенные жертвы добавили мне силы. Эх, если бы я была такой тогда, во время следствия! Фиг бы они меня засадили в эту клоаку! Но ничего, главное – я вернулась, и теперь все было просто. Нет, грубо воздействовать на персонал, как это было вначале, я не стала, открытый побег мне ни к чему. Никто не должен знать, что меня в психушке больше нет, а значит, я должна тут быть, верно? А как это осуществить? Правильно, нужен двойник. – Юлю заколотило от ужаса. – Догадалась, вижу. Да, Юлечка, теперь ты будешь сидеть в этой дыре, а я выйду на волю и спокойно займусь своими делами. И скоро тот самый лабиринт на Олешинном острове, о котором говорилось в вашей программе, перестанет существовать, открыв Врата. Похожих на меня девушек – худеньких, светловолосых, голубоглазых – много, но как их заманить сюда? И тут я вспомнила, что, когда была овощем, меня иногда выводили на прогулку во внутренний закрытый двор. А у некоторых охранников постоянно работают портативные телевизоры, и, когда проходишь мимо, невольно фиксируешь то, что в данный момент показывают. Вернее, фиксировало мое подсознание, а потом я выта-

щила это и увидела тебя. Помнишь, ты пару раз засветилась в этой вашей дилетантской программе? Интернет – штука полезная, там много информации нарыть можно, а с некоторых пор я получила доступ к компьютеру Петра Леонидовича. И вскоре все знала о самой Юлии Носовой и о ее планах на будущее. Бинго! Вот она, новая Дина Квятковская! Девочка так хочет нарыть сенсацию, значит, надо дать ей сенсацию. И тебе приходит письмо от Жреца. И ты послушно, словно осел за морковкой, бежишь туда, куда тебе прикажут. Хотя нет, не так уж и послушно, несколько раз пришлось поднапрячься, чтобы заставить тебя прийти сюда. У ворот ты чуть было не сорвалась с крючка, какая-то сила мешала мне дотянуться до тебя. – «Мамочка, это ты молилась за меня! Не переставай, пожалуйста! Ищи меня!» – Но ничего, справилась. Вот так. – Дина критически осмотрела дело рук своих. – Ну что же, стрижка почти такая же безобразная, как у меня. Теперь раздевайся, а я пока соберу срезанные волосы.

«Вот еще, не буду я раздеваться! Одно дело, когда ты меня за руку водишь, и совсем другое – самой что-то делать по твоему приказу!»

Но дело оказалось одним и тем же. Кошмар продолжался – тело совершенно не подчинялось Юле, действуя самостоятельно. И через пару минут девушка осталась в одном белье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.